

Глубинная экология. Публицистика

Статьи о биоцентризме, экологических движениях Earth First!, ELF и т.д.

- [Несс Арне. Экологический кризис и движение за глубинную экологию](#)
- [Бари Джуди. Революционная экология](#)
- [Уоллес-Уеллс Дэвид. Климатический геноцид? На самом деле, все хуже](#)
- [Борейко Владимир. Призрак экотажа бродит по Европе \(интервью\)](#)
- [Бари Джуди. Феминизация Earth First!](#)
- [Бари Джуди. Беседа с Earth First! через Джуди Бари](#)
- [Несс Арне, Мейляндер Питер. Менталитет будущего](#)
- [Несс Арне. Простая по средствам, богатая по результатам. Интервью с Арне Нессом](#)
- [«Биоцентрическая анархия». Зин об одичании](#)

Несс Арне. Экологический кризис и движение за глубинную экологию

1990, источник: [здесь](#), Гл.1 из книги Арне Несса "Экология, сообщество и образ жизни"

1.Тяжесть нашего положения

Человечество – первый обладающий интеллектом биологический вид на земле, способный сознательно ограничить свою численность и жить в устойчивом динамическом равновесии с другими формами жизни. Человеческие существа способны ценить и беречь богатство своего окружения. Наша биологическая родословная позволяет нам получать огромное наслаждение от сложного разнообразия жизни. Эту способность наслаждаться разнообразием можно развить, что позволит творчески взаимодействовать с нашим окружением.

Сегодняшняя глобальная культура, имеющая преимущественно техно-индустриальную природу, представляет собой, однако, серьезную угрозу для окружающей среды и лишает будущие поколения этого богатства. Мы все чаще начинаем задавать себе вопрос: а надо ли нам продолжать играть эту зловещую роль, которую мы для себя выбрали? Ответ, почти единогласно, будет негативным.

Первый раз в истории человечества мы стоим лицом к лицу перед выбором, навязанным нашей апатичной привязанностью к производству вещей. Хватит ли у нас сил на само-дисциплину и разумное планирование, чтобы поддерживать и развивать богатство жизни на Земле, или же мы упустим этот шанс и пустим все на самотек?

Краткое определение того, почему нашу ситуацию следует признать критической, можно сформулировать так:

Экспоненциальный рост и частичное или полностью необратимое ухудшение, или разрушение, окружающей среды через жестко установленные способы производства и потребления, и отсутствие соответствующих мер, предупреждающих рост населения.

Слова «ухудшение» и «разрушение» следует понимать, как понижение ценности окружающей среды. Необходима этическая система, которая позволит сделать недвусмысленный вывод: изменения негативны.

Химия, физика, и наука экология могут лишь признать произошедшие перемены, но не в состоянии оценить их с этической точки зрения. Но вы и я скорее всего согласимся с тем, что биологические условия в реке или океане, не позволяющие нормально существовать другим формам жизни, - это безусловно разрушение разнообразия. Неспособность науки экологии вынести этические суждения о том, что такие процессы, как вымывание почвы тропических лесов, предосудительны, говорит о том, что нам нужен другой подход, который будет учитывать ценностные характеристики, а не только «факты».

Нам необходимы такие типы обществ и сообществ, в которых человек будет наслаждаться ценностными характеристиками экологического равновесия, а не прославлять нейтральный рост экономики; сообщества, в которых совместная жизнь с другими живыми существами станет важнее их эксплуатации или убийства.

Данная дискуссия об экологическом кризисе необходима потому, что человеческие существа не реализовали свой потенциал взаимодействия с природой: этот кризис мог бы способствовать раскрытию нашего сознания для освоения осмысленной жизни, которая в большой степени проходит мимо нас или смазывается нашими стремлениями приспособиться к урбанизированному, техно-индустриальному мега-обществу.

Было бы неразумным ожидать, что такое улучшение может быть достигнуто большинством без жестоких политических схваток и глубоких перемен в экономических целях, преследуемых индустриальным обществом. Ценностные приоритеты социально и экономически обусловлены, и изменения этих приоритетов вызовут другие перемены в безграничном, динамичном целом.

Также опасно считать, что у какой-нибудь одной группы могут быть все знания для того, чтобы справиться с техно-экономической системой. Глубина кризиса в значительной степени вызвана неконтролируемым характером событий: события следуют друг за другом с ускоряющим темпом, хотя ни одна из групп, ни один класс, ни сама природа, не запланировала приход следующей фазы. Встроенные механизмы не дают этому темпу расслабиться. Вращающиеся колеса истории делают нас придатком самой машины, которую мы рассчитывали использовать для себя.

Достижение новых целей потребует усовершенствования этой машины не только властными элитами, но также и населением в целом. Население должно участвовать как можно шире – как в формулировании новых целей, так и способов их достижения.

2. Производство и потребление: идеология и практика

Прогресс, до сих пор со всей серьезностью, измеряется темпом потребления энергии, приобретением и накоплением материальных вещей. То, что обещает «материально улучшить жизнь», принимается в качестве первостепенной задачи без анализа того, что опыт такой «хорошей жизни» может не оправдать ее название. Но, как гласит пословица, «не попробуешь – не узнаешь», и все больше и больше людей на западе приходят к выводу, что вкус «хорошей жизни» явно не соответствует их ожиданиям. До сих пор выражение «Я богат» в значительной степени, но не полностью, определяет, что есть «хорошая жизнь». Но

одно дело высокое качество жизни; другое - высокий уровень жизни. И они могут не совпадать.

Политики и специалисты-энергетики говорят об экспоненциально растущей потребности в энергии, как если бы этого требовали люди, а не рынок.

Материальный уровень жизни и качество жизни представляются как одно и то же. Это ведет к требованию максимального увеличения богатства. Важно понимать, что рост происходит по экспоненте, и 1- или 2-х процентный годовой рост вызывает значительные социальные и технологические перемены в дополнение к колоссальному аккумулярованию перемен.

Глубокие корни промышленной и потребительской идеологии можно проследить во всех промышленных государствах, но возможно сильнее всего они заметны в богатых западных странах. Огромная умственная энергия внутри экономической жизни тратится на создание новых «потребностей» и привлечение новых клиентов, желающих повысить свое материальное состояние. Нам говорят, что если бы не "потребности", мы давно бы имели экономический кризис и поголовную безработицу.

Разочарование и беспокойство по поводу растущего искусственного темпа современной жизни также обыкновенно, не моргнув глазом, вносят в рыночный баланс. Но изменение идеологии производства и потребления невозможно без существенного изменения всей экономической машины. В настоящее время эта машина живет за счет искаженного представления о жизни. Пересмотр ценностных ориентиров в пользу всей полноты эмоционального опыта - когда качество жизни оказывается важнее уровня жизни - оказывается опасным предложением для хорошо смазанной системы.

Мы «прогрессировали» до такой степени, что цели хорошей жизни стали выглядеть как опасное предприятие; мы глубоко завязли в системе, которая гарантирует кратковременное благополучие для небольшой части населения, достигаемое посредством разрушительного материального изобилия. Привилегии изобилия ревностно охраняются на региональном уровне; в то же время, рост изобилия в Африке, Азии и Латинской Америке не приветствуется, т.к. ускоряет приход экологического Армагеддона.

Авторы, описывающие экологические проблемы и предлагающие свои решения, часто обращают внимание на экспоненциальные кривые, указывающие на кризисную ситуацию. Другие авторы, ищущие популярности, активно выступают за экономический рост в богатых странах и обращаются к совершенно иным кривым (см. напр., книгу Джулиана Саймона "Богатая земля", 1984): экспоненциальная кривая прибыли в экологии, кривая новых технологических достижений в борьбе с загрязнением и т.п. Законодательство в области защиты окружающей среды росло экспоненциально в 1970-х. Поэтому, есть ли смысл продолжать беспокоиться по поводу ухудшения ситуации? Один вопрос порождает другой: Если на беспокойство есть позитивная реакция, стоит ли вообще беспокоиться? Все идет хорошо, не правда ли...?

Однако заявление о том, что «экологический кризис скорее всего сам собой разрешится без наших усилий» принадлежит к классу самоотрицаний: чем больше люди будут верить в истинность этого высказывания, тем меньше шансов, что оно окажется истинным. И в нашем случае желательно чтобы оно оказалось ложным.

Я убежден в том, что потребуется сделать еще очень много, чтобы произвести позитивные сдвиги в нужном направлении. Экологи и другие ученые указывают, что мы по-прежнему на катастрофической траектории, но они не дают четких прогнозов, что должно произойти. Их заявления начинаются с «если»: Если мы будем продолжать жить так, как живем, произойдет то-то и то-то.

Кризис условий существования жизни на Земле может помочь нам выбрать новый критерий прогресса, эффективности и рациональных действий. Этот позитивный аспект нашей ситуации может привести к новому ренессансу; новым социальным формам существования вместе с высоким уровнем интегрированной технологии, экономическим прогрессом (и меньшим вмешательством в окружающую среду), и меньшими ограничениями для эмоционального опыта.

3. Наше экологические знания в значительной степени ограничены; экополитические следствия невежества

Экологическое движение опирается на результаты исследований в области экологии, а в последнее время, на т.н. реставрационную биологию (см. Soule 1985). Но к большому изумлению многих, научные заключения часто представляют собой признание в беспомощности: «Мы не знаем, каковы будут долгосрочные последствия от предлагаемого вмешательства в экосистему, поэтому не можем дать твердых заверений». Только в редких случаях ученые могут предсказать с определенной степенью вероятности действие нового химического соединения даже на небольшую экосистему.

Так называемые апокалиптические предсказания представляют собой заявления о катастрофическом состоянии дел, которое нельзя предотвратить без срочного принятия определенных мер. Но мы знаем очень мало или ничего об этих новых мерах. Тот факт, что население находится на катастрофической траектории не означает, что катастрофа обязательно произойдет. Ситуация критическая, поскольку мы не знаем, возможно ли быстро и радикально изменить данную траекторию.

Политики и общественность, которые в последнее время внимательно прислушиваются к словам ученых-экологов, сильно смущаются, когда слышат, что сама наука заявляет о своем незнании! Странно думать о том, что на основании незнания, политики могут рекомендовать те или иные меры. Мы же не знаем последствий! Должны ли мы следовать этим рекомендациям? Весь груз доказательств лежит на тех, кто покушается на окружающую среду.

Почему груз доказательств должен лежать на тех, кто покушается на природу? Потому что экосистемы, в которые мы вторгаемся, находятся, вообще говоря, в состоянии равновесия, которое можно считать более благоприятным и полезным для человечества, чем состояние

возмущения с его непредсказуемыми и далеко-идущими последствиями. В целом, восстановление первоначального состояния после вторжения и его серьезных нежелательных последствий, оказывается невозможным. Вторжение, обыкновенно с целью получения кратковременной выгоды для определенных небольших групп людей, оказывает отрицательный эффект для большинства форм жизни.

Изучая экосистемы мы понимаем, насколько мы невежественны. Эксперты, обращающие внимание на критичность ситуации, указывают на недостаток знания и предлагают исследовательские программы, которые могут дать дополнительные знания. Естественной реакцией политиков в этом случае должно быть предложение о круглом столе или отложение вопроса до тех пор, пока не будут получены дополнительные данные.

Например, предложение, которое должно противодействовать возможной гибели деревьев должно откладывается, пока не будет получена дополнительная информация о том, почему деревья гибнут. Население и официальные лица должны свыкнуться с новой нормативной процедурой: экологической экспертизой перед принятием рекомендаций и радикальными шагами по сохранению окружающей среды.

4. Движение за глубинную экологию

Термин «глубинная экология» был предложен в статье «Поверхностное, и глубинное, долгосрочное экологическое движение: итоги» (Naess, 1973). Вот некоторые выдержки из нее: Появление экологов из относительной безвестности означает поворотный пункт в наших научных сообществах. Но мессидж, который они принесли, перекручен и искажен. Два движения заслуживают внимания: поверхностное, мощное движение, и глубинное, менее влиятельное. Я остановлюсь на характеристике обоих движений.

1. Поверхностное экологическое движение:

Борьба с загрязнением и уменьшением ресурсов. Главная цель: здоровье и благополучие людей в промышленно-развитых странах...

2. Движение за глубинную экологию:

а. Отрицание образа «человек –в- среде» в пользу реляционного, тотального поля.

Организмы, как узлы в поле, связаны внутренними связями. Внутренние связи между А и В таковы, что они зависят от базовых свойств А и В. И наоборот: без этих связей, А и В теряют свои первоначальные свойства. Образ тотального поля не только устраняет понятие «человек-в-среде», но и понятие любого другого, отдельного от среды предмета, - за исключением случаев, когда речь ведется на поверхностном или предварительном уровне.

б. Биосферный эгалитаризм – в принципе. Условие «в принципе» введено потому что любая реалистическая практика предполагает наличие некоего убийства, эксплуатации и подавления. Работающему в области экологии необходимо испытывать глубокое уважение, даже почитание, путей и форм жизни. Он достигает понимания [святости жизни] изнутри, т.е. такого понимания, которое якобы присуще лишь людям. Для работающего в области

экологии равные права [всех существ] на жизнь и процветание должно быть интуитивно ясной и очевидной ценностной аксиомой. Сведение этих прав только к людям называется антропоцентризмом, что в конечном счете ведет к ухудшению качества жизни для самих людей. Качество нашей жизни зависит от глубокого удовольствия и удовлетворения, которое мы получаем от близкого партнерства с другими формами жизни. Попытка игнорировать эту зависимость и установить отношения типа «хозяин-подчиненный» приводит к отчуждению человека от самого себя.

В конце 1970-х гг. я столкнулся с трудностью формулирования общих взглядов, которые могли бы объединить тех, кого я называю сторонниками движения за глубинную экологию. Наконец, Джордж Сешнс и я сформулировали восемь пунктов, с использованием 179 слов и некоторых комментариев (см. следующий раздел). Мы пришли к тому, что наше предложение следует назвать «Платформой глубинной экологии». Ожидается, что разделение на «поверхностную» (или «реформистскую») и «глубинную» экологию будет полезным, и те, кто связывает себя с последней, будут работать над своими собственными формулировками (см. напр.. Rothenberg 1987). Любой набор формулировок будет неизбежно окрашен личными и групповыми предпочтениями. Поэтому необходимы разные формулировки.

В конфликтах на экологической почве сторонники глубинной экологии будут на одной стороне, однако положения платформы не отражают взгляды по поводу конкретных ситуаций, - они отражают наиболее общие и главные взгляды своих сторонников. Эти взгляды не главные в абсолютном смысле, они отражают лишь единство сторонников.

5. Платформа движения за глубинную экологию

(1) Благополучие и процветание жизни на Земле -- как человеческой, так и не-человеческой, имеют свои, присущие им ценности (синонимы: внутренние ценности, природные ценности). Эти ценности не зависят от той пользы, которую человек извлекает для себя.

(2) Богатство и многообразие форм жизни являются условием существования этих ценностей, и сами представляют собой ценности.

(3) Люди не имеют права уменьшать богатство и многообразие форм жизни для удовлетворения своих интересов.

(4) В настоящее время вмешательство человека в области, ему не принадлежащие, выходит за рамки допустимого и ситуация быстро ухудшается.

(5) Процветание человеческой жизни и культуры возможно лишь при существенном уменьшении размера населения. Процветание жизни, не принадлежащей человеку, требует такого уменьшения.

(6) Для радикального улучшения условий жизни следует изменить политику государств. Эти изменения должны повлиять на основные экономические, технологические и идеологические структуры.

(7) Изменения в идеологии главным образом заключаются в том, что качество жизни будет определяться природными (внутренними) ценностями, а не стремлением к повышению уровня жизни. Возникнет глубокое противоречие между большим и великим.

(8) Подписавшиеся под вышеприведенными пунктами берут на себя обязательство по прямому или косвенному участию в попытке осуществить необходимые изменения.

Восемь пунктов платформы нуждаются, конечно, в пояснении и развитии. Некоторые замечания.

(1) Вместо «биосферы» мы могли бы использовать «экосферу» для того, чтобы подчеркнуть нашу озабоченность не только формами жизни в узко биологическом смысле. Термин «жизнь» используется здесь расширительно, не в техническом смысле, и относится также к тем вещам, которые биологи могут отнести к неживым: реки (водоразделы), ландшафты, культуры, экосистемы, «живая земля». Такие лозунги как «пусть река живет» иллюстрируют более широкое понимание жизни, характерное для многих культур.

(2) Так называемые простейшие, или низшие, или примитивные виды растений и животных вносят чрезвычайно важный вклад в богатство и разнообразие жизни. Они имеют самостоятельную ценность, и не представляют собой лишь этапы на пути к т.н. высшим или разумным формам жизни. Второй принцип подразумевает то, что сама жизнь, как и эволюционный процесс во времени, «заинтересована» в увеличении богатства и разнообразия. Почему надо говорить о разнообразии и богатстве [жизни]? Предположим, что люди вторгаются в экосистему до такой степени, что 1000 позвоночных оказываются на стадии вымирания. Пункт (2) не выполняется. Богатство, близкое по смыслу к «изобилию», в данном случае резко уменьшается. Поддержание богатства означает поддержание среды обитания и числа особей (размера популяции). Здесь нет указания на конкретное число. Главный смысл в том, что жизнь на Земле может ухудшиться даже, если разнообразие поддерживается в полном составе. То, что сказано выше о биологических видах, справедливо также и для среды обитания и экосистем, имеющие весьма похожие свойства. Поэтому имеет смысл также учесть их.

(3) Данное положение, возможно, слишком строго сформулировано. Но, учитывая массу экологически безответственных заявлений по поводу человеческих прав, было бы весьма полезно объявить о норме, на которую их права не распространяются. Термин «жизненно важные потребности» несколько расплывчат, и поэтому я не даю ему строгое определение. Следует принимать во внимание различия в климате и других факторах, вместе с различием современных общественных структур. Также следует рассмотреть различие между средством удовлетворения потребности и самой потребностью. Если китобой в промышленной стране оставит свою профессию, он может остаться без работы в нынешних экономических условиях. Китобойный промысел для него важное средство для выживания. Но в богатой стране с высоким уровнем жизни китобойный промысел не является жизненно важной потребностью.

(4) Пункт о вмешательстве. Для реалистичной оценки глобальной ситуации, см. полную версию Стратегии сохранения мира (IUCN 1980). Есть и другие работы, которые я

рекомендую, такие как Глобальный отчет Президенту 2000 Джералда Барни (1980). Нельзя ожидать, что люди в богатых странах быстро уменьшат свое чрезмерное вмешательство в нечеловеческий мир и в одночасье станут жить скромнее. Меньшее вмешательство не означает, что люди не будут модифицировать некоторые экосистемы, как это делают другие виды. Люди изменяли Землю и будут продолжать это делать. Проблема в том, до какой степени такое вмешательство допустимо. Борьба за сохранение и расширение дикой природы или природы, близкой к дикости, должна продолжаться и направляться на сохранение общих экологических функции данных областей (одна из таких функций: сохранении больших пространств дикой природы для продолжения эволюционного развития животных и растений). Современные заповедники дикой природы недостаточно большие для проживания крупных птиц и млекопитающих.

(5) Ограничение численности населения. Стабилизация и уменьшение численности населения человечества потребует времени. Следует разработать промежуточные стратегии такого уменьшения. Но это ни в коей мере не оправдывает сегодняшнюю ситуацию. Сначала предстоит понять и признать чрезвычайную серьезность нынешней ситуации. Но чем дольше мы будем откладывать ее решение, тем более чрезвычайные меры понадобятся. До тех пор, пока не будут произведены глубокие демографические перемены, богатства и разнообразие жизни будут уменьшаться; темпы вымирания видов будут выше чем в любой другой период истории Земли. Законным может быть требование к миллиардам изменить свой образ жизни в направлении экологической ответственности, тогда нечеловеческая жизнь сможет опять процветать. В пункте (5) предполагается, что вероятность глубоких перемен в экономике и технологии недостаточна для решения этой проблемы [при сохранении численности населения].

(6) Требуется изменение политики. Проводимый сегодня индустриальными странами экономический рост не совместим с пп. (1) – (5). Современная идеология ценит только то, что имеется в дефиците, что полезно, и имеет рыночную цену. Поэтому престижно потреблять в больших количествах и производить много отходов. Экономический рост отмечает только рост в рыночных ценах, но не стоимости, включающие и экологические ценности. Хотя ключевыми лозунгами по-прежнему остаются «самоопределение», «местное сообщество», и «думай глобально, действуй локально», имплементация глубоких перемен потребует глобальных действий пересекающих каждую границу, что возможно будет входить в противоречие с кратковременными интересами местных сообществ. Поддержка глобальных акций через неправительственные организации становится все более важной задачей. Многие из этих организаций способны действовать локально от одной ячейки к другой, минуя тем самым отрицательное вмешательство правительства. Культурное разнообразие сегодня требует усовершенствованной технологии, т.е. техники, которая продвигала бы главные цели каждой культуры. Так называемые мягкие, промежуточные и соответствующие технологии будут правильными шагами в этом направлении.

(7) Некоторые экономисты критикуют термин «качество жизни», потому что для них он нечеткий. Но, при внимательном рассмотрении, то, что им представляется нечетким, на самом деле - неквантифицируемая природа термина. Невозможно квантифицировать то, что важно для качества жизни, и нет необходимости это делать.

(8) Здесь большая свобода для различных мнений относительно приоритетов. Что следует делать сначала, что потом? Что наиболее неотложно? Что необходимо делать в противовес тому, что наиболее желательно? Различные мнения по этим вопросам не должны исключать активное сотрудничество. Что мы выигрываем, если будем осторожно формулировать главные положения, разделяемые сегодня всеми сторонниками движения за глубинную экологию? Мы надеемся, что это облегчит поддержку движения «альтернативными» движениями. Мы надеемся, что это не приведет движение к изоляции, а, напротив, обеспечит лучшую кооперацию между многими движениями. Это также поможет некоторым из нас уточнить свою позицию, снять одни разногласия и отточить другие. В конце концов, как мы увидим, «разнообразие» - это высшая норма!

6. Как представлены темы глубинной экологии в книге

Как следует из платформы, движение за глубинную экологию затрагивает все важные современные личностные, экономические, политические и философские проблемы. После определенного отбора проблем, я сконцентрировался на главных темах, которые мне казались недостаточно проясненными или разработанными в уже опубликованных текстах.

Первые три главы книги посвящены двум неизбежным компонентам: оценочная характеристика и эмоции в мышлении и восприятии реальности, и как они приводят к зрелой, интегрированной личности, способной действовать на основе полноты своего мировоззрения. Стратегия и тактика движения за глубинную экологию зависят от этих необходимых следствий.

Глава 2 начинается с неизбежной терминологической дискуссии: каковы отношения между экологией, экофилософией и экософией? Центральной темой является преодоление узкой трактовки экологии как науки, и поиск мудрости посредством экофилософии, и приход к экософии – полноты мировоззрения, частично вдохновляемого наукой экологией и практикой движения за глубинную экологию. Социальное движение не относится к области науки; его выражение должно наполняться ценностями и приоритетом ценностей – нормами, правилами, императивами – которые в моей терминологии выделяются знаками восклицания.

Это подводит нас к философской теме: будет ли ценностный, спонтанный и эмоциональный опыт такой же истинный источник знания о реальности как математическая физика? Если мы ответим «да!», каковы будут последствия нашего описания природы? Движение за глубинную экологию может выиграть от большего акцента на спонтанный опыт, на то, что, на философском жаргоне называют «феноменологией».

В главе 3 углубляется анализ ценностного мышления и принятия решений. Как во всех научных открытиях, цепь аргументов в априорном мышлении базируется на посылах, которые не вытекают из других посылок. Это не значит, что конечный (ultimate), часто откровенно интуитивно-этический, вывод и другие нормативные выводы будут «субъективными».

Философия глубинной экологии настаивает на том, что каждый промежуточный аргумент должен проверяться его конечным базисом: теми ценностными приоритетами, которыми руководствуется зрелый человек или ответственная группа. Ограниченность поверхностного [экологического] движения не в том, что у него слабая или неэтическая философия, а в отсутствии четко выраженной озабоченности конечной целью, задачами и нормами. Поэтому значительная часть работы философов-сторонников глубинного [экологического] движения – это вопрос, адресованный узким утилитарным решениям: а как они относятся к конечной цели?

Важным инструментом этой деятельности является нормативная система. Это понятие иллюстрируется в Главе 3 кратким перечислением различных возможных систем конечных (ultimate) ценностей. Вводится предварительное понятие «Само-реализация!» как конечная норма.

Три последующие главы менее философски ориентированы, в них исследуются следствия философских проблем внутри обширных тем технологии (глава 4), экономики (глава 5), и политики (глава 6).

Технический прогресс никогда не бывает чисто техническим: ценность технических перемен зависит от того, как они влияют на культуру в целом. Оценка изменений в технологиях в узком контексте, без учета конечных культурных целей, подрывает само существование культуры. «Продвинутая» технология – то, что должно продвигать конечную цель жизни. Рациональность относительна: рациональное будет рациональным только если помогает достигать конечных человеческих целей, счастья или совершенства. Проблема технологий в нашем обществе должна быть поставлена более серьезно из-за ее важности для конечных целей.

Классическая экономика в значительной степени занималась человеческими потребностями. Ее задачи были как философские, так и практические. Современная экономика сузила свои задачи и подменила человеческие потребности спросом на рынке. Экософия ищет пути восстановления классической перспективы, с добавлением прозрений, сообщенных ей культурной антропологией. Главной задачей ведущих промышленных стран должна быть помощь развивающимся странам с тем, чтобы они не попали в ловушку «сверхразвития». Это значит, среди прочего, уход от оценки успеха экономической политики в терминах среднего уровня жизни к критерию качеству жизни, особенно для малообеспеченных слоев населения. Экософическое понимание экономики – это поддержка экономического идеала простоты средств и богатство целей.

В Главе 6 рассмотрено политическое измерение движения за глубинную экологию. Активные сторонники движения и их предшественники, такие как Джон Мюир, прошли через отчаянные политические сражения. Движение долгосрочное, политика быстротечна. Природа не оказывает давление на политиков, а они поддаются только, когда на них «давят». «Зеленые» партии и группы не могут похвастаться победами. Но разделение на голубых, красных и зеленых, отмечается в политической жизни многих стран. Зеленые технологии, зеленая экономика, зеленая политика, зеленое сообщество и зеленые пацифистские движения – это все колонны, на которых держится богатство и разнообразие

жизни.

Некоторые сторонники движения ведут минимально зеленый образ жизни, в то время, как другие полагают, что мы должны начать с себя и радикально изменить образ жизни. Мне кажется, что мы должны признать, что фронт широк, и что сторонники могут найти свое место где-нибудь вдоль фронта – среди политических активистов, социальных реформаторов или тех, кто «ненавидит» политику и появление на публике.

В последней главе я возвращаюсь к основам и к моему варианту экософии, экософии-Т. Мне необходимо было собрать исторические доказательства в поддержку того, что природа обладает своей внутренней ценностью; я также выдвинул предложение, как создать мировоззрение, построенное на истинном уважении природы. Наконец, я соединяю самые главные нормы и гипотезы экософии-Т в систематический набросок и даю краткий комментарий относительно перспектив глубинной экологии на будущее.

Бари Джуди.

Революционная экология

1995, источник: [здесь](#), перевод - Виктор Постников, Подзаголовок: Биоцентризм и глубинная экология

Данная статья написана в начале 1995 г.. Впервые она появилась в журнале *Alarm*. Вебсайт, посвященный Джуди Бари <http://www.judibari.org> . В 1990 г. на Джуди Бари было совершено покушение со стороны ФБР, но она чудом осталась жива.

Перед тем как впервые услышать об организации Earth First! (Земля прежде всего!), я уже много лет была социальной активисткой. Для меня было удивительно, что тогда, в 1980-х, эта радикальная организация не придавала большого значения социальным аспектам экологического кризиса. Аналогично, городское движение за социальную справедливость не желало признавать важность экологических выступлений, часто называя их одним выражением «экологический расизм». Тем не менее, для того, чтобы эффективно противодействовать обоим кризисам, нам следует их тесно связать между собой.

С самого начала следует признать: современная социальная практика угрожает продолжению самой жизни на Земле и поэтому должна быть изменена. Для этого нам необходима революционная экология, которая охватит и социальные и биологические проблемы, и классовую борьбу, и понимание той роли, которую играет глобальный корпоративный капитализм в притеснении народов и разрушении природы.

Я считаю, что у нас есть такая теория. Она называется глубинная экология, и лежит она в самом основании радикального экологического движения. Проблема в том, что на ранних стадиях глубинная экология ошибочно ассоциировалась с правыми теориями, такими как закрытие границ, принятие СПИДА в качестве регуляции роста населения, и поддержку голода в Эфиопии. Это привело к тому, что от нее отвернулись социальные экологи. И я считаю, что они здорово замутили воду в нашем движении, затруднив нахождение для него общей и ясно выраженной философской основы.

Поэтому в данной статье я попытаюсь с позиции неисправимого левого активиста объяснить, почему на мой взгляд глубинная экология представляет собой революционное мировоззрение. Я не называю свои идеи «абсолютной истиной»; более того, они не представляют собой законченный процесс. Это всего лишь мои некоторые идеи, которые, я надеюсь, приведут к широкому обсуждению и дальнейшему развитию.

Биоцентризм

Глубинная экология, или биоцентризм, — это убежденность в том, что природа не принадлежит человеку. Напротив, люди являются частью природы, лишь одним из ее биологических видов. Все виды имеют одинаковые права на существование, вне зависимости от той пользы, которую они представляют для человека. И биоразнообразие имеет самостоятельную ценность, одинаково важную для человеческой и нечеловеческой жизни.

Эти принципы, я думаю, выходят за рамки любой политической теории. Биоцентризм – это закон природы, существующий независимо от того, признают его люди или нет. Для природы не важно — антропоцентристы мы или нет. Она по-прежнему работает биоцентрически. И ошибка современного общества в том, что это не признается. Именно попытки подчинить природу человеческим целям и поставили нас на край гибели, разрушив все системы жизнеобеспечения. Биоцентризм – не новая теория, и не изобретение Дэйва Формана или Арне Нейсса. Это древняя мудрость, выражаемая словами вождя Сиэттла: «Земля не принадлежит нам. Мы принадлежим Земле.» Но в сегодняшнем контексте индустриального общества, биоцентризм чрезвычайно революционен, т.к. бросает вызов самой основе системы.

Биоцентризм противостоит капитализму

Капиталистическая система находится в прямом противоречии с естественными законами биоцентризма. Капитализм, прежде всего, основывается на принципе частной собственности – «присвоении» Земли для целей эксплуатации и извлечения прибыли. На ранних этапах капиталисты даже верили в то, что они могут присвоить себе других людей. Но так же как рабство сегодня дискредитировано в большей части общества, так и принципы биоцентризма рано или поздно отвергнут возможность владеть Землей.

Как может корпоративный рейдер Чарльз Гурвиц заявлять о «владении» 2000-летними секвойями в лесу Headwaters Forest только потому, что он подписал несколько бумаг, позволяющих ему обменять их на бросовые облигации? Это абсурд. Гурвиц – всего лишь миг в жизни этих древних деревьев. Хотя он в состоянии их разрушить, у него нет такого права.

Одно из самых мощных оружий для американских защитников природы – это Акт о защите вымирающих видов (который сам требует защиты). Этот акт и другие законы, которые признают такие общественные ценности как чистый воздух, чистую воду и защиту вымирающих видов, сами свидетельствуют о том, что законы частной собственности не согласуются с законами природы. Вы не можете делать все, что вам заблагорассудится на вашей частной территории без того, чтобы не влиять на окружающих, поскольку все на Земле взаимозависимо, и природа не признает человеческих границ.

Капитализм противостоит биоцентризму вокруг самого понятия «прибыль». Прибыль означает получать больше, чем вкладывать. Ясно, что это противоречит процессу обновления в природе, который зависит от баланса между приходом и расходом. Но еще

важнее то, откуда берется эта прибыль.

Согласно марксистской теории, прибыль крадется у рабочих, когда капиталист платит им меньше стоимости произведенного продукта. Та часть стоимости продукта, которую присваивает себе капиталист, называется «прибавочной стоимостью». Величина прибавочной стоимости колеблется в зависимости от степени организации рабочих и от привилегий, которыми пользуются рабочие. Но в условиях капитализма рабочий класс никогда не получает вознаграждение, равного полной стоимости своего труда, поскольку именно прибавочная стоимость является условием существования класса капиталистов.

Хотя в целом я согласна с таким анализом, думаю, что пропущена одна важная вещь. Я считаю, что стоимость продукта определяется не только затраченным на него трудом, но затраченными природными ресурсами. И я считаю, что добавочная стоимость (т.е. прибыль) крадется не только у рабочих, но и у самой Земли. Вырубка леса – самый яркий пример такой кражи. Если бы производство и потребление находились исключительно в рамках природных циклов плодородия, тогда используемые ресурсы были бы действительно неисчерпаемы. Но это невозможно в условиях капитализма, т.к. класс капиталистов существует благодаря извлечению прибыли не только у рабочих, но и Земли.

Современные корпорации – наихудшие проявления этой болезни. Небольшой бизнес может жить за счет прибыли, но, по крайней мере, его цель обеспечить выживание человеческим существам, находящимся в контакте со своим окружением. Но у корпорации нет никакой морали и другой цели нежели увеличение прибыли. И сегодняшние глобальные корпорации находятся вне всякого контроля со стороны общества или государства. Фактически правительства находятся в услужении корпораций, их армии чиновников защищают прибыли корпораций по всему миру, а их тайная полиция всячески препятствует любой оппозиции внутри страны.

Другими словами эту систему нельзя реформировать. Она основана на разрушении Земли и эксплуатации людей. Нет такого понятия как «зеленый капитализм,» и маркетинг экзотических продуктов тропического леса не спасет экосистему от увечий, нанесенных капитализмом. Вот почему я считаю, что серьезные экологи должны стать революционерами.

Биоцентризм противостоит коммунизму

Как вы, наверное, знаете, моим бэкграундом в революционной теории служит марксизм – источник критики капитализма. Но марксизм не дает ответа на вопрос: чем лучше всего заменить капитализм. Коммунизм, социализм и все другие левые идеологии говорят лишь о справедливом перераспределении «прибылей», которые человечество отняло у Земли. Ничего не говорится об отношении к Земле. Или, точнее, предполагается, что отношения останутся такими же как при капитализме – т.е. избыточное потребление, — а революция нужна лишь для того чтобы найти более эффективные и эгалитарные способы производства и распределения продуктов.

Отношение к природе как к источнику сырья и полное безразличие к ее жизненной силе позволило марксистским государствам провести индустриализацию без какой-либо, даже самой минимальной, экологической защиты. Это привело к колоссальным несчастьям (взрыв реактора в Чернобыле, аварии на нефтяных танкерах в Арктике, вырубка сибирской тайги и др.). Индустриализация оставила после себя такой уровень загрязнения, что в некоторых областях России и Восточной Европы даже понизился уровень рождаемости. Маркс утверждал, что главное противоречие в индустриальном обществе – это противоречие между трудом и капиталом. Я же считаю, что экологические несчастья показывают: главное противоречие между индустриальным обществом и Землей.

Несмотря на то, что социализм не смог принять экологию в расчет, не думаю, что он неподвластен реформам. Один из принципов социализма гласит: «Производство самого необходимого, не для прибыли.» Это значит, что в социализме нет встроенного противоречия, как в капитализме, и я предвижу, что у него может быть такая форма, которая не будет разрушать Землю. Но это уже не будет марксова индустриальная модель.

Экологический социализм, среди всего прочего, должен будет решить проблему централизма. Идея Маркса о большом политическом органе, занимающимся централизованным планированием, предвосхищает (1) авторитаризм некоего рода, и (2) использование массового производства, изначально разрушительного для Земли и человеческого духа. Экологический социализм будет означать такую организацию общества, которая совместима с организацией, встречающейся в природе. И я считаю, что естественной организацией в природе есть биорегионализм, а не государство.

Современное индустриальное общество забирает у нас возможность общаться между собой, общаться с Землей. Это вызывает у нас глубокую тоску, которую нас учат заглушать потребительскими товарами. Но товары, выходящие за рамки самого необходимого, не могут утолить наших потребностей. Поэтому аппетит растет, и мы начинаем применять все более изощренные и дегуманизирующие способы производства товаров. Если бы рабочие действительно управляли заводами (а я говорю это как бывший рабочий), они начали бы с того, что разбили машины и придумали более человеческие способы производства.

Биоцентризм противостоит патриархату

Патриархат – остается одним из самых глубоких и древних форм насилия в мире. Он настолько укоренился, что люди редко его называют по имени. Вы можете сколько угодно выступать против апартеида и не вызовете никакого осуждения среди прогрессивных белых. Но попробуйте заговорить о патриархате, и на вас сразу же нападут те же «прогрессивные». Тем не менее, в любой сколько-нибудь революционной теории вопрос о патриархате стоит очень остро. Неспособность оценить патриархат можно считать одним из серьезных недостатков марксизма.

В экофеминизме утверждается, что существует параллель между тем, как патриархальное общество относится к природе и как оно относится к женщине. Эту параллель легко заметить в таких выражениях как «девственные леса» или «обесчестить землю.» Более важно, однако то, что в нашем обществе ценятся только «мужественные» поступки (как-то: подчинить, завоевать и т.п.), в то время как «женственные» поступки (воспитать, родить) не получают в обществе поддержки. Между тем, и женщины и мужчины обладают как мужественными так и женственными чертами характера. Но женственность всегда получает более низкую оценку, вне зависимости от того, кто ее проявляет. Связь между подавлением женщин и подавлением природы в особенности заметна в странах Третьего мира, где колониальные силы отнимают землю, лишая крестьян и женщин их традиционной роли – охранять лес и плодородные земли. Женские методы возделывания земли заменяются машинным агропроизводством, которым руководят мужчины; при этом плодородие земли разрушается. Вот почему экологическое движение в странах Третьего мира, таких как Индия, Кения и Бразилия, часто соединяется с женским движением.

Тот, кто когда либо имел дело с Министерством лесного хозяйства или с Министерством экологии США, знает, что «наука» рассматривается как высший авторитет, используемый для оправдания эксплуатации Земли. Наука преподносится нам как нейтральная и объективная, как путь к Абсолютной Истине. Но на самом деле тип науки, который благословляет индустриальная патриархия, далеко не «нейтральный». Она открыто провозглашается ее основателями как маскулинная система знаний, добываемая в процессе отделения природы от человека, а ее методология основана на редукционизме, т.е. на разбиении целого на части для последующего их изучения. Редукционизм ведет к невероятной узости мышления, например позволяет приходить к выводам (и я здесь не преувеличиваю) о том, что вырубка леса с последующей высадкой одного типа деревьев – наиболее эффективный способ рекультивации леса, ибо через пять лет, число стволов на вырубленной территории «больше», чем в случае когда вырубка ведется избирательно.

Редукционистская наука действительно привела к созданию таких чудес как атомная бомба, пластиковый хлам и кремовые палочки Твинкис. Но она не привела к более глубокому пониманию мира; ведь природу нельзя изучать по частям — части взаимозависимы. Как заметила экофеминистка-философ Вандана Шива, редукционистская наука дала нам антибиотики и удобрения; первые привели к появлению супербактерий, вторые — к обеднению почвы. Вместо маскулинной науки разделения и доминирования, экофеминистки ищут пути для природной науки. Природа для них холистична и взаимозависима, а судьбы людей и природы -нераздельны. Вместо того, чтобы завоевывать или подчинять, экофеминистская наука стремится согласовать жизненный процесс с циклами плодородия, укрепляя их нашим участием, но не прерывая и не разрушая их.

Такой экофеминистский взгляд на природу идеально совместим с биоцентризмом. Поэтому биоцентристы не принимают маскулинную систему знаний, лежащую в основе разрушения Земли.

Экофеминизм не пытается властвовать над мужчинами. Он намерен лишь восстановить баланс, какой существует в природе. Разумеется, в нашей перекошенной культуре, достижение такого баланса не может произойти без значительного роста феминизма – как

на индивидуальном уровне, так и в целом среди мужчин и женщин. Но без такого баланса, общество не в состоянии добиться изменений, необходимых для выживания.

Что значит биоцентризм для Движения

Тот факт, что глубинная экология представляет собой революционную философию – одна из причин, почему Earth First! попала под прицел ФБР. Мы же недооценивали ее революционность и были захвачены врасплох. Не только Earth First!, но и все экологическое движение должно выработать тактику для приведения общества к равновесию с природой. Один из способов – расширить нашу работу. Конечно, священные места должны сохраняться, и приоритетом должно быть сохранение дикой природы. Но ограничить наше движение только «дикостью», как это делала организация Earth First! в 1980-х, значит обречь себя на поражение. Нельзя серьезно рассматривать восстановление дикой природы без решения проблем общества, которое ее разрушает. Пришло время (и я имею в виду не только Earth First!), когда экологи не должны стоять в стороне от движения за социальную справедливость. Та же сила, которая занята добыванием ресурсов в сельской местности, проявляет себя как расизм и капитализм в городах. Экологическое движение должно признать, что наш фронт широк, а наша история – это история сопротивления.

Движение за революционную экологию должно найти поддержку среди обедневших слоев населения и среди рабочего класса. За исключением движений против загрязнения среды и исконных прав на землю, большинство активистов-зеленых – это белые американцы из привилегированных классов. Данная группа слишком слилась с системой и не представляет для нее большой опасности. Революционная идеология в ее руках может вызвать значительные нарушения и перемены в системе. Но революционная идеология в руках рабочего класса приведет систему к полной остановке. Потому как именно рабочие имеют доступ к машинам. И только остановив машину разрушения, они могут остановить безумие. Как могло случиться, что у нас были движения, озабоченные захоронением токсических отходов, но не было ни одного рабочего движения за отмену токсического производства? Только, когда рабочие откажутся от вредного производства, только когда лесозаготовщики откажутся вырубать древние леса, мы сможем надеяться на реальные и существенные перемены. Эту систему не остановить силой. Она могущественна и безжалостна. Единственный путь, который я вижу – это активный и массовый отказ от сотрудничества с ней.

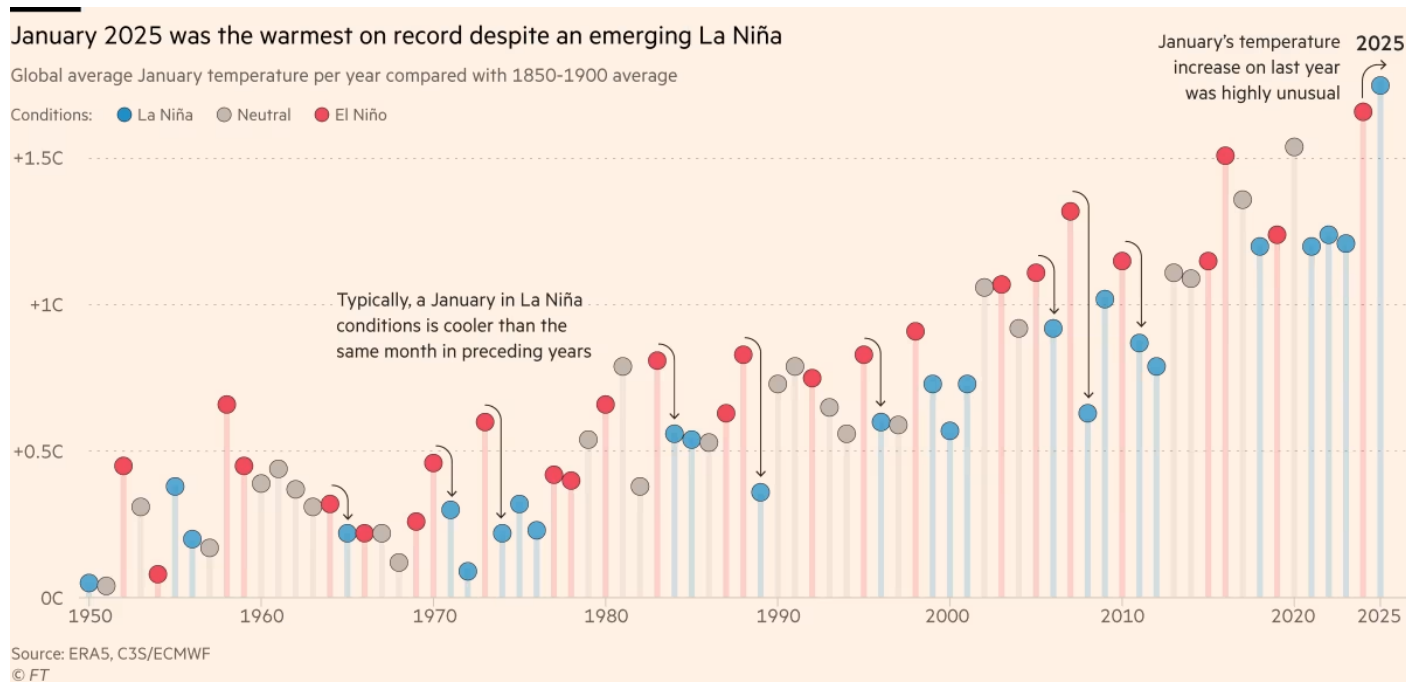
Поэтому будем продолжать блокировать бульдозеры и обнимать деревья. И не будем сводить глаз с глобальных корпораций – наших главных противников. Будем расширять контекст наших действий. Будем привлекать всех к практическому развитию революционной экологии.

Уоллес-Уеллс Дэвид.

Климатический геноцид?

На самом деле, все хуже

2018, источник: [здесь](#). Перевод и послесловие Виктора Постникова

Всего два года назад, с фанфарами на весь мир, были подписаны парижские климатические договоренности — положив начало тому, что на тот момент, казалось началом движения за сохранение планеты. Но почти сразу же, установленная международная цель по ограничению глобального потепления до двух градусов Цельсия стала казаться многим уязвимым странам недостаточной [1]; представитель Маршалловых островов назвал соглашение “геноцидом”.

В алармистском новом докладе [2] от ООНовской Международной Комиссии по Климатическим Переменам (UN’s Intergovernmental Panel on Climate Change) анализируется насколько 1.5 градуса потепления лучше, чем 2 градуса, и высказываются серьезные опасения. Сотни миллионов жизней поставлены на кон, говорится в докладе, если мир потеплеет больше, чем на 1.5 градуса, что может произойти к 2040г (при существующих трендах). Почти все коралловые рифы вымрут, пожары лесов и тепловые волны ежегодно будут проноситься по планете, а перемежающиеся засухи и наводнения и смена температур

будут означать, что поставки продовольствия резко сократятся. Чтобы избежать масштабного голода в отчете указывается, что потребуются глубочайшая трансформация мировой экономики, сельского хозяйства и культуры, “не имеющая прецедента в истории.” The New York Times указывает на “большой риск” климатических перемен в ближайшие десятилетия; в Grist, Эрик Холтхаус написал, что “цивилизация поставлена на карту.”

Вы должны быть встревожены написанными выше строками, потому что они нагоняют страх. На самом деле, все гораздо страшнее. И это потому, что самый плохой сценарий в новом отчете на самом деле самый хороший. Фактически, все выходит за его рамки. Геноцидный уровень потепления УЖЕ наше неизбежное будущее. Вопрос только в том, насколько плохим оно может быть.

Оставляя в стороне новые чудесные захватывающие углерод технологии, которые в настоящее время настолько далеки от масштабных применений, что могут называться не иначе, как фантазиями индустриального абсолютизма, мы должны констатировать: у нас нет средств, способных удержать нагревание ниже двух градусов — уровня, который в новом докладе назван климатической катастрофой. Планета находится на траектории нагревания до 4 градусов к концу столетия. IPCC права в том, что два градуса это уже климатическая катастрофа. Четыре градуса в два раза хуже. И направление, по которому мы движемся в настоящее время — это климатический ад, в два раза ужаснее, чем тот, который предсказывает IPCC.

Ясно, что его надо избежать, чего бы это ни стоило. Но истинный смысл отчета не в том, что “климатические перемены гораздо хуже, чем вы думаете”; каждый, кто знает состояние дел не найдет там ничего удивительного. Истинный смысл отчета в другом - “теперь нам разрешено паниковать.”

Еще год назад, когда я опубликовал в журнале историю, в которой исследовал наихудшие сценарии климатических перемен, алармизм такого рода рассматривался многими учеными как анафема, полагающими, что такие пугающие истории так же вредны для публичного сознания, как и отрицание происходящего. За последний год появилось несколько пугающих результатов в исследовании климата — выход метана из арктических озер [3] и вечной мерзлоты [4], что может ускорить потепление; беспрецедентные тепловые волны, арктические пожары, и ураганы, прокатывающиеся по всем океанам [5]. Сегодня все сходятся к одному: мы на пути к четырем градусам потепления, более чем вдвое, превышающим то, что большинство ученых считают допустимым, без климатической катастрофы, без страданий сотен миллионов и разрушения, по крайней мере частично, социальной и политической инфраструктуры – того, что мы называем “цивилизацией.” Единственно, что изменилось на этой неделе, это то, что ученые наконец нажали на кнопку “паника”.

Из-за того, что цифры малы, мы не склонны придавать слишком большого значения разнице между одним градусом и двумя, двумя и четырьмя. Человеческий опыт и память не дают ответа на то, как мы должны воспринимать эти пороги, но в данном случае, как и в случаях с войной или раком, достаточно одной цифры.

При двух градусах, таяние ледового покрова приведет к необратимому коллапсу, покрыв водой города, стоящие вблизи океана. При таком уровне потепления, оценивается, что ВВП упадет на 13 %. Четыреста миллионов будут страдать от недостатка питьевой воды, и даже в северных широтах, тепловые волны убьют летом тысячи людей. Хуже будет в экваториальном поясе. В городах Индии, где проживают многие миллионы, станет невыносимо жарко, число экстремальных тепловых волн возрастет в 32 раз, причем их длительность увеличится в пять раз, а число пострадавших увеличится в 93 раз. Это два градуса — практически, наш абсолютно наилучший на сегодня сценарий.

При трех градусах, южная Европа превратится в вечную пустыню. Средняя продолжительность засухи в Центральной Америке составит 19 месяцев, а на Карибах 21 месяц. В северной Африке, засуха составит 60 месяцев — т.е. пять лет. Области, выгораемые каждый год от пожаров, удвоятся в средиземноморье и вырастут в шесть раз в США. Кроме подъема уровня океана, который поглотит города от Майямы до Джакарты, разрушения от наводнений рек вырастут в 30 раз в Бангладеш, в 20 раз в Индии, и в 60 раз в Великобритании. И это три градуса — вариант, если все страны мира будут придерживаться своих обязательств, но они их не придерживаются. Собственно говоря, оставляя в стороне неожиданный приход *tech deus ex machinas* (техно демонов из машины), это мне кажется наиболее позитивным и реалистичным сценарием.

При четырех градусах, ежегодно будет восемь миллионов случаев лихорадки денге, в одной только Латинской Америке. Глобальные урожаи зерновых уменьшатся на 50%, что вызовет почти круглогодичный продовольственный кризис. Глобальная экономика уменьшится на более, чем 30 %, и мы будем свидетелями большего числа конфликтов и войн, по крайней мере наполовину по сравнению с сегодняшним днем. Возможно даже их будет больше. Помните, что наша текущая траектория, будет вести нас выше, и хотя есть много причин думать, что пик вскоре будет пройден — из-за снижения стоимости возобновляющих источников, растущего консенсуса во всем мире о необходимости избавляться от угля — важно помнить, что, несмотря на все разговоры о зеленой революции и цене на солнечные батареи, в настоящее время, глобальные выбросы углерода по прежнему растут.

Ничто из приведенного выше не новость — большинство данных взято из собранных фактических данных многих исследований [6]. Фактически, ничего из приведенного в новом отчете IPCC также не является новостью; ни для научного сообщества, ни для климатических активистов, ни даже тех, кто просто читал статьи о потеплении в течение последних лет. В этом состоит политика IPCC: Комиссия не приводит новые открытия и не обрисовывает перспективы, но скорее собирает разрозненные данные различных исследований в единый непротиворечивый пакет, предназначенный для политиков всего мира. Почти с самого начала создания Комиссии, в 1988 г, ее критиковали за слишком осторожные оценки — большой коллектив осторожных ученых выбирают прогнозы, на которых все соглашаются (и которые могут быть приемлемыми для политиков). На странице Комиссии в Википедии [7] есть разделы под названием “Устаревшие отчеты” и “Консервативная природа отчетов IPCC.”

Поэтому замечательно, что тон этого отчета такой алармистский — дело не в том, что новость о климате поменялась, а в том, что научное сообщество наконец отбросило

предосторожность в описании своих находок.

Слава Богу, они также предложили практические решения, например, введение углеродного налога во много, много раз большего, чем действующий в настоящее время или предложенный ранее — они предложили поднять стоимость тонны углерода до возможно \$5,000 к 2030 г, которая может возрасти до \$27,000 за тонну к 2100 г. Сегодня средняя стоимость углерода в 42-х главных экономиках всего \$8 за тонну. [8]. Нобелевский лауреат по экономике Уильям Нордхаус, сделавший себе имя, буквально на изобретении экономической науки для климатических перемен, предложил \$40 за тонну — что, вероятно, приведет нас к 3.5 градусам [9].

Но углеродный налог лишь одна малая искорка, но не само действие. Необходимо масштабное действие и со скоростью, невообразимой для большинства нас. Отчет IPCC называет беспрецедентным. Другие активисты видят в истории один прецедент - то, как Соединенные Штаты готовились ко Второй мировой войне, и призывают к глобальной мобилизации подобного рода — объединению всех враждующих между собой обществ, всех националистических правительств и эгоистических производств вокруг общей цели сохранения стабильного и приемлемого климата; и предлагают считать глобальное потепление экзистенциальной угрозой.

Все действительно так и есть. И метафора мобилизации во Вторую мировую больше не метафора. Чтобы избежать катастрофического потепления потребуются полная перестройка энергетической инфраструктуры в мире, глубокая переработка сельскохозяйственных принципов и диеты для полного удаления выбросов углерода, и целая батарея культурных перемен в западном образе жизни. И мы должны это сделать за два, возможно три десятилетия. Для сравнения, постройка трех станций новой линии нью-йоркского метро заняло 12 лет. Всего на постройку данной линии ушло 45 лет.

Я не хочу сказать, что все кончено и мы обречены. Задержка глобального потепления до температуры ниже 4 градусов лучше, чем 4 градуса; задержка до 3 градусов еще лучше, и чем ближе мы будем к двум градусам, тем замечательнее. Это потому, что климат не бинарен, т.е. он не переворачивается со всей силы при какой-то температуре; он начинает просто ухудшаться со временем по мере накопления парниковых газов [10]. Сколько времени мы продержимся зависит от нас самих, другими словами от политиков. Поэтому паника, которую вызвал отчет IPCC, может быть весьма полезной, т.к. она “нажмет” на политиков.

Существуют также отдаленные альтернативы, о которых я упоминал — захват углерода и солнечная геоинженерия — каждая из них далека от реализации [11] и, даже в теории, повлекут за собой опасные последствия [12]. Но даже если данная технология резко подешевеет и станет эффективной в течение нескольких лет, по всему земному шару надо будет построить целые плантации, втягивающие углерод.

Для строительства потребуется много времени, а у нас нет в запасе столько лет. Несколько недель назад, перед самым выходом отчета IPCC, у меня был ланч с одним из известных климатологов, который участвовал в предыдущих отчетах и сделал много для подготовки к

климатическим переменам на локальном уровне. Я спросил его, надо ли Нью-Йорку строить ограждение или стену для защиты от подъема уровня. Да, сказал он, Манхэттен будет защищен, в любом случае. Но на большие инфраструктурные проекты уйдут десятилетия — обычно до 30 лет. Если даже мы начнем строить сегодня, стена не будет закончена вовремя для защиты Говард Бич и южных частей Квинса и Бруклина. Весьма скоро, заметил он, вы увидите, как будет изменяться город — остановка новых инфраструктурных проектов, постепенное прекращение даже таких ежедневных работ, как уборка мусора и ремонт канализации, и постоянное оповещение жителей о том, что [в случае наводнения] они не смогут покинуть свои дома. И конечно стена для защиты Нью-Йорка прикроет только залив, но оставит Лонг Айленд беззащитным.

Это пример угрозы с моря, и то только для одной (очень богатой) городской зоны. Мир гораздо больше, чем эта зона, и климатические изменения больше, чем только наводнения. И они также надвигаются с большой скоростью после того, как человечество выбросило в атмосферу за последние 25 лет почти половину всех выбросов за всю историю. У отчета, выпущенного в понедельник IPCC, новый, угрожающий тон. Но надо ожидать еще большего сгущения красок. Пока мы будем продолжать транжирить оставшееся время, новости будут все более тревожными.

Ссылки

[1] [2] http://report.ipcc.ch/sr15/pdf/sr15_spm_final.pdf
[3] [4] <https://www.hcn.org/issues/50.3/an-unfrozen-north>
[5] [6] [7] [8] [9] <http://www.pnas.org/content/114/7/1518>
[10] [11] <http://www.pnas.org/content/114/7/1518> [12]

Послесловие Виктора Постникова

Это серьезная статья, с массой ссылок на научные факты, от которых не отмахнуться. Странно, что от российских ученых мы не слышим каких-либо предложений или хотя бы откликов. (Я не имею ввиду еще более разрушающую Землю безумную геоинженерию). Понятно, что для обывателя 1 градус или 1.5, или даже 2, не имеют никакого значения. Тем более, что зима в России занимает полгода, а то и больше. Но ученые? Они-то должны понимать, что изменения климата носят ГЛОБАЛЬНЫЙ характер, и что россиянам (или другим спрятавшимся народам) не удастся отсидеться дома. Сгоревший недавно в Калифорнии городок под именем “Рай”, в котором обосновались знаменитости, может вызывать у некоторых злорадство, но это чувство глупое и близорукое. Пожары в Калифорнии могут показаться детской забавой, когда метан начнет выходить из Арктики и загорится Сибирь.

Что-же делать? Останавливать крупные инфраструктурные проекты, экономить энергию. Переходить на скромный образ жизни, без автомобилей, и самолетов. Прекратить транжирить средства на войну, космос, строительство. Строить экологичные дома из местных материалов. Отказаться от дальних перевозок/перелетов. Развивать локальные

экономики. Сохранять и высаживать деревья. Выгонять олигархов из страны, куда-нибудь на Маршалловы острова.

Климатические перемены - не единственный "всадник Апокалипсиса". Еще три на подходе:

- Потеря несущей способности Земли из-за перенаселения, переразвития, загрязнения (Overshoot)
- Истощение органического топлива (Peak oil)
- Глобальные войны

Кто быстрее подъедет, трудно сказать.

Все "проблемы", которыми сегодня занято правительство, в скором времени могут показаться детской забавой.

Борейко Владимир.

Призрак экотажа бродит по Европе (интервью)

2012, источник: [здесь](#)

Наш корреспондент Казимир Савицкий беседует с известным украинским зоозащитником дикой природы, писателем, экофилософом, директором Киевского эколого-культурного центра, Заслуженным природоохранником Украины Владимиром Борейко.

- На днях Ваш Центр повторно издал легендарную книгу Дейва Формэна и Билла Хейвуда <Экотаж. Руководство по радикальной природоохране>. В предисловии к книге сказано, что это переработанное, адаптированное и дополненное издание. Вы отошли от классического варианта?

- Первый вариант русскоязычного <Экотажа> мы издали в 2002 году. Прошло десять лет. Все это время мы постарались проверить, адаптировать и перенести американские советы по экотажу на нашу украино-российскую почву. Мы изъяли разделы, которые затруднительно использовать у нас, например, уничтожение вертолетов или линий электропередач, ряд разделов по экотажу в городах или по борьбе с рекламой. Значительно переработаны и дополнены разделы по борьбе с браконьерскими орудиями, шипованию дорог и деревьев, экотаж в городе, добавлен раздел по экотажу на ОПТ. Расширено предисловие к книге, где я постарался дать краткую, но емкую историю отечественного экологического саботажа с советских времен.

<Экотаж-2> мы снабдили дополнительными рисунками, чертежами, а также фотографиями браконьерских отечественных орудий.

- То-есть новое издание <Экотажа> адаптировано под отечественные реалии, под возможные пути развития экотажа на постсоветском пространстве?

Совершенно верно. В принципе, таких направлений может быть четыре. Экотаж в городе (шипование деревьев, уничтожение заборов на местах будущей застройки, заделывание труб со сточными водами и сжигание землеройной техники), антибраконьерский экотаж (уничтожение петель, капканов, <пауков>, сетей), экотаж в заповедниках и национальных парках (это в основном перекрытие и шипование дорог), ну и экотаж компьютерный, направленный или против незаконной рекламы браконьерских снастей, или против рекламы дельфинариев и прочих мест издевательств над животными.

- За 10 лет со дня издания русскоязычного <Экотажа> что изменилось в отечественной природоохранной радикальной практике? Какие последствия издания <Экотажа>?

- Самое главное, что об экотаже, как способе природоохраны, заговорили. И в интернете, и в СМИ, и в книгах, и в словарях. Начались дискуссии в экологических рассылках, на экологических семинарах. Одна из киевских газет стала даже печатать советы по шипованию деревьев. Самое популярное российское радио – <Эхо Москвы> посвятило экотажу программу. Восхищение радикальными природоохранниками попало в такие от экологии, непопулярные издания как <Поваренную книгу медиаактивиста>, <Медиа варус>, <Философию панка>. Очень важно, что экотаж проник в природоохранную практику зоозащитников природы Украины, России, некоторых других постсоветских стран. Конечно не так, что он везде и повсеместно используется, но используется. В Киеве например, в ночь на 2 октября 2012 г. экотажники спалили экскаватор, который уничтожал природу заповедной Лысой горы. Призрак экотажа уже бродит по Европе. И Украина – не исключение.

- Какие меры по пропаганде экотажа Вы видите?

- Киевский эколого-культурный центр уже многое сделал для ознакомления отечественных природоохранников с философией и тактикой экотажа. И это не только два издания <Экотажа>. Это еще перевод и издание легендарного романа Эдварда Эбби <Банда гаечного ключа>, книга Рика Скарса <Эковоины. Радикальное движение в защиту природы>, Родерика Нэша <Права природы. История экологической этики>, воспоминания Дэйва Формэна <Исповедь Эковоина>, книга Ховью Волке <Дикая природа на скалах>, а также мои книги - <Философы зоозащиты и природоохраны>, <История охраны дикой природы США>, <Популярный словарь по экологической этике и гуманитарной экологии>, а также ряд переводных статей по экотажу в нашем Гуманитарном экологическом журнале> (все данные издания см. на сайте КЭКЦ – ecoethics.ru).

Еще добавим и три наших семинара, где мы обсуждали вопросы экотажа. Но одних усилий Киевского эколого-культурного центра явно недостаточно. Методам и философии экотажа нужно учить на природоохранных семинарах и школах молодого доповца, распространять материалы по экотажу через Интернет, и, самое главное, двигать экотаж в массы. Чтобы рядовой гражданин знал, как зашиповать деревья в соседнем парке, если им грозит бензопила.

- Почему экотаж не становится одним из проявлений ультрасовременных молодежных экстрим-субкультур, вроде катания на роликах, скейтах, прыжков с мостов?

- Экотаж – это тяжелая бесплатная работа. Катание на роликах и прыжки – развлечение, баловство. Современная молодежь бесплатно работать не любит и не будет. Поэтому ей не до экотажа. Что касается природоохранных общественных организаций, то их очень мало. А те, что остались – на половину состоят из грантогрызов и кабинетных экологов. Которые то и гвоздь вбить в дерево не умеют. Ну и самое главное. Американские экологические организации, применяющие экотаж, типа <Земля прежде всего!>, исповедуют особую идеологию, основанную на глубинной экологии, уважающие права природы и ощущения

дикой природы как священного пространства. У отечественных природоохранников такой идеологии нет, она проще, меркантильнее, рациональнее. Она очень ущербна.

- Может быть поэтому герои экотажа живут только на Западе?

- Конечно, легендарный Дейв Формэн, основатель группы <Земля прежде всего!>, наводивший страх на лесную службу США, или не менее легендарный Пол Ватсон, создатель <Морских пастухов>, потопивший 2 исландских китобойных судна – для всех эковоинов являются кумирами. Однако, мало кто знает, и в Советском Союзе был свой герой экотажа. Это – Юрий Горелов, работавший в 1980-х годах в Бадхызском заповеднике (Туркмения). Однажды он вместе с коллегами посадил на шипы всю Кушкинскую пехотную дивизию, что незаконно заехала в заповедник на маневры. О нем можно написать роман не хуже <Банды гаечного ключа>.

- Однако нередко экотаж подвергается и яростной критике. Пример тому - недавняя статья (октябрь 2012 г.) в украинском журнале <Комментарии>, или интернетовское русское толкование экологического саботажа как <действий защитников окружающей среды, которые противоречат общепринятым культурным корням>.

- Конечно противоречат! Как правило, экотаж подвергается критике по двум вопросам: насилие порождает насилие и что экотаж способствует неуважению к закону. Давайте обсудим все по порядку.

По поводу насилия. Есть насилие в отношении людей, а есть насилие в отношении техники, уничтожающей природу. Экотажники категорически против насилия к людям, вообще против насилия к любому живому существу. Более того, они считают, что насилие против техники не является насилием. Это - самооборона, самозащита. Если на вас нападут бандиты, Вы же будете защищаться. Если рядом с вашим домом хотят срезать бензопилой деревья под какой-нибудь очередной развлекательный центр, нарушая ваше право на здоровую окружающую среду – а госорганы бездействуют – то Вам придется защищать свои права самому. И вбить в деревья гвозди, чтобы сломать бензопилу.

- Согласен с Вами. Ну а как быть с тем, что экотаж нарушает закон?

- Известный австралийский экофилософ, один из лидеров мирового движения за освобождение животных Питер Сингер пишет: “Существуют обстоятельства, когда даже при демократии морально оправданным становится неподчинение закону и в Движении освобождения животных много хороших примеров таких обстоятельств. Если демократические процессы не функционируют успешно, если проведение опроса общественного мнения подтверждает, что огромное количество людей против многих видов экспериментов, а правительство все чаще не принимает никаких эффективных действий, чтобы остановить эти эксперименты, если общественность большей частью не знает, что происходит на фермах и в лабораториях, тогда нелегальные действия могут быть единственно правильным путем помощи животным и ознакомления людей с реальными фактами происходящего”.

По сути экотаж – это нередко нарушение закона. Как говорил известный американский философ Генри Торо <если закон нарушает справедливость, то нарушайте закон>. Конечно, этот яркий и доходчивый тезис нельзя прямолинейно использовать в практике. По моему мнению, заниматься экотажом в интересах природоохраны следует в следующих случаях:

1. Когда других, легальных способов защиты природы не существует, все они исчерпали себя и оказались неэффективными.
2. В экстренных случаях.
3. В целях борьбы с незаконными действиями браконьеров, добывающих животных, туристов, незаконно заезжающих в заповедник и т.п.
4. Когда демократические процессы не функционируют успешно, и опросы общественного мнения показывают, что население против определенных экологически вредных действий властей.
5. Когда ставится социально значимая цель.

Хочу подчеркнуть, что экотаж – это не вандализм, не пустое развлечение, не хулиганство. Это выстраданный, осознанный, мужественный поступок защиты природы. Закон не должен нарушаться по незначительным, преходящим причинам.

Американский экофилософ Майкл Мартин пишет:

<Возможным возражением против экосаботажа является то, что он подрывает уважение к закону, ослабляя социальную ткань цивилизованного общества. Однако в качестве общего аргумента против экосаботажа он имеет не больше веса, чем против традиционного гражданского неповиновения. Разговоры о том, что гражданское неповиновение разрушает социальную ткань, основываются на фактах, а не на философских рассуждениях, но факты эти чрезмерно сложны и не поддаются точному определению... Свидетельства, почерпнутые из американского опыта 1950-х -1960-х годов не поддерживают этих голословных утверждений. Тот же контраргумент годится для экосаботажа. Если быть точным, в нашей стране и во всём мире достаточно много проявлений неуважения к закону: убийства, избиения, резня, терроризм, насилие, правительственная коррупция, преступления служащих происходят сплошь и рядом. Однако будет чистой выдумкой полагать, что экосаботаж с его тщательно ограниченным масштабом и мишенями сделал или сделает свой существенный вклад в это неуважение к закону. В любом случае, можно заявить, что уважение к закону - не самая высшая ценность. Как отмечает Коэн: <Конечно, может быть, что то зло, против которого обращено гражданское неповиновение, более серьёзно, чем его социальные последствия, разлагающие социальную ткань>. Формэн и его сподвижники наверняка доказали бы, что то, за что они борются, гораздо важнее уважения к закону. И правда, они легко могут доказать, что уважение к закону будет маловажным в мире с загрязнённым воздухом и водой, лишённом своей дикой природы и большей части своего природного разнообразия. Конечно, эта оценка ценностей спорна, однако отнюдь не абсолютно ошибочна или абсурдна.

(:) Многие теоретики утверждают, что, поскольку акты гражданского неповиновения нарушают закон и противоречат принятому общественному поведению, они требуют некоего особого оправдания того, что на первый взгляд кажется в них неприемлемым. То же можно сказать и об актах экосаботажа. Если следовать этой линии аргументации, то бремя обоснования (оправдания), очевидно, ложится на участника акции гражданского неповиновения или экосаботажа. Это бремя особенно тяжело в демократическом обществе, так как если законы принимаются представителями народа, то все граждане обязаны выполнять их. Однако это требование никогда не бывает абсолютным. Демократические процессы не вполне совершенны, и несправедливые или ошибочные законы тоже могут быть приняты; может осуществляться недальновидная и разрушительная политика; и бывает невозможно такие законы

изменить, или их изменение законными средствами может потребовать слишком много времени. Поэтому озабоченные граждане могут иногда прибегать к незаконным средствам изменения существующего положения, обучения и побуждения к действию своих сограждан. Однако прежде чем принять участие в актах гражданского неповиновения или экосаботажа, они должны иметь чёткое обоснование своих действий>.

- Рассуждая об экотаже, мы еще не затрагивали вопрос об его природоохранной пользе. Подсчитывал ли ее кто-нибудь?

- Американцы считают, что акции экотажа ежегодно обходятся правительству и компаниям в 20-25 миллионов долларов в виде сломанного оборудования и техники, потерянного времени, затрат на оплату деятельности правоохранительных органов и правоприменение. Это такие деньги, которые компании не могут тратить на уничтожение леса на государственных землях, бурение нефтяных скважин на окраинах штатов, инвестирование средства в более разрушительное оборудование, оказание влияния на политиков с помощью кампаний добровольных пожертвований ... Даже если бы корпорации переложили эти затраты на своих потребителей, то акции гаечного ключа повысили бы цену изделий из древесины и, соответственно, косвенно снизили бы её потребление.

Известны два случая, когда Служба леса США отменила продажу участков леса, узнав, что деревья на них зашипованы. Лесозаготовительная компания на Гавайях с капиталом в 250 000 долларов перерабатывала древесину дождевого леса на топливо для сахарных заводов (без разрешения и в нарушение распоряжения суда), но после того, как на неё были сброшены зажигательные бомбы, она осталась банкротом. При всей спорности характера акций экосаботажа он имеет несомненную ценность, вынося природоохранные проблемы, кажущиеся такими чуждыми и малопонятными, из тьмы научных вычислений на свет страстных устремлений и преданности отдельных людей.

- Однако экотаж – это не только партизанская война в защиту природы. Это еще и уникальная культура. Вы согласны?

- Экотаж, как направление гражданского неповиновения, в США имеет главную традицию, восходящую еще к Генри Торо и движению аболиционистов. У нас такой традиции нет. Если когда и случались случаи сопротивления властям, то они выливались в бунт, бессмысленный

и беспощадный. Гражданское неповиновение в США родило свою литературу, свою поэзию, свою культуру, свою идеологию, свою философию.

Американские активисты экотажа считают, что общепринятые ненасильственные действия являются только тактикой оттяжек и временных мер. Поэтому необходимо переходить к радикальным мерам природоохраны. “Морские пастухи”, “Земля прежде всего!”, “Фронт защиты животных” и другие природоохранные организации, занимающиеся экотажом, выдвигают новую экоэтическую философию, подчеркивая внутреннюю, собственную ценность природы, биоцентрическое равенство всех видов, осуждение святости дикой природы. Они остро критикуют центристские экологические группы за их постоянный компромисс в “погоне за влиянием и доверием”. Поэтому лозунг экотажников – никакого компромисса в деле защиты Матери-земли!

В рассказах, рисунках и поэзии эcobойцов романтично изображаются непосредственные действия, направленные против корпораций, уничтожающих окружающую среду, в точности следуя канве таких работ, как стих Двайта Доркера “Топи его!”, опубликованный в журнале “Прежде Земля!”

Круши его, скручивай его, бей его и ломай,

Пробивай его и топи любым способом!

В их шестернях уничтожения мы – возможно, всего лишь песчинки.

Но делай это, делай это, делай это – если можешь!

Бари Джуди. Феминизация Earth First!

1992, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Предисловие

2 марта 1997 года умерла Джуди Бари — энвайронменталистка, участница и организаторка ячеек профсоюза Индустриальных рабочих мира, соосновательница движения Earth First! в США.

Джуди называла себя экофеминисткой, разделяла идеи биоцентризма и старалась достичь гендерного равенства в прославленной «мужскими» поступками одной из старейших экозащитных организаций Earth First! Она хотела уничтожить мизогинию в обществе не менее, чем индустриальное лобби. Во время кампании Redwood Summer она организовала защиту древнего леса в Калифорнии от лесозаготовителей, привлекая тысячи протестующих со всей страны. Это сработало, и лето 1990-го в США навсегда изменило историю Earth First! Старое кредо уступило место продвинутым идеям — во многом благодаря Джуди.

История ее борьбы и печальная кончина доказывает, что экологические проблемы неразрывны с социальными. При жизни Джуди преследовали и травили, угрожали расправой в письмах и газетах. К тому же, она сталкивалась с неприятием своей женской фигуры в протестном экологическом движении: от создателей Earth First!, боссов на работе, товарищей по протестным движениям, рабочих, с которыми она создавала профсоюзы. Во время очередного музыкального турне незнакомец подложил бомбу под сидение ее машины. После инцидента Джуди осталась калекой и через несколько лет умерла от рака груди. Ее поминки посетили около 1000 человек.

В статье «Феминизация Earth First!» Джуди Бари пишет об экофеминизме, отчаянной защите двухтысячелетних деревьев, локальной протестной организации и кампании женоненавистничества, развернувшейся в ее сторону после успехов многолетней борьбы.

Ровно 23 года спустя мы открываем бесконечный цикл публикаций, посвященных организации Earth First!, существующей по сей день, ее идеологам, участникам и противникам. Впереди интервью, самиздат, песни, фильмы, инструкции по экотажу и посмертная книга о том, кем была Джуди Бари.

Бари Джуди. Феминизация Earth First!

Невозможно жить в районе Редвуда Северной Калифорнии, не страдая до глубины души из-за разрушения этой великолепной экосистемы. Мили и мили расчищенной земли покрывают кровотокающие склоны наших холмов. Древние леса вырубают на корню, чтобы расплатиться с корпоративными мусорными облигациями (junk-bonds — обещающие высокие проценты, но не дающие гарантий облигации — прим. ttw). И ряды лесовозов заполняют наши дороги, направляясь к лесопилкам с грузами, начиная от 1000-летней секвойи, чей один ствол заполняет весь кузов, до шестидюймовых маленьких деревьев, которые просто раскалываются на целлюлозу. Осталось менее 5% древней растущей красной древесины, и экосистема исчезает даже быстрее, чем более известный тропический Амазонский лес.

Поэтому неудивительно, что я, пожизненная активистка, стала защитницей окружающей среды. Что удивительно, так это то, что я, феминистка, мать-одиночка и представительница синих воротничков, оказалась в Earth First!, группе прямого действия «без компромиссов», с репутацией мачо, пьющих пиво экокучаков. Если бы я знала, что соединив более женственные элементы коллективизма и ненасилия с дерзостью и пылом EF!, мы зажжем массовое движение... Но даже не подозревала, что заплачу за успех подложенной бомбой, чуть не убившей меня, и стану жертвой кампании женоненавистничества.

Меня привлекла команда Earth First!, потому что она была единственной желающей лечь перед бульдозерами и бензопилами ради спасения деревьев. Там весело играли музыку и дерзили. Прежде всего меня покорила их философия. Известная как биоцентризм или глубинная экология, она утверждает, что Земля существует не только для потребления человеком: все виды имеют право на существование ради самих себя, и люди должны научиться жить в гармонии с потребностями природы, а не пытаться приспособить природу к нуждам людей.

Я не вижу никакого противоречия между глубинной экологией и экофеминизмом. Но Earth First! была основана пятью мужчинами, и ее основными стержнями были все же мужчины. Как во всех подобных группах, компетентные женщины всегда выполняли реальную работу за кулисами. Они были практически невидимы за пределами публичной фигуры EF! — «большой человек идет в большую дикую природу, чтобы спасти большие деревья». Я определенно была против такого образа. И все же, несмотря на картинку, структура организации была децентрализована и неиерархична, поэтому у нас была свобода действий в своей местной группе Северной Калифорнии, чтобы развиваться с любым подходом.

EF! появились на сцене Редвуда примерно в 1986 году, когда корпоративный рейдер Чарльз Гурвиц из Маххат захватил местную лесопромышленную компанию, а затем почти втрое увеличил долю добычи древнерастущего красного дерева, чтобы погасить свои мусорные облигации. EF! с 1981 года протестовали против проблем национальных земель (в оригинале: public land — земли общественного достояния, то есть земли, принадлежащие

всем гражданам США, которые сейчас являются национальными парками — прим. ttw) в других частях Запада, но это было настолько возмутительно, что привело группу к ее первой кампании «частных» земель.

На протяжении многих лет стратегия движения под мужским руководством была основана на отдельных смелых поступках. «Кочевые боевые группы» из примерно десяти человек отправлялись в отдаленные районы и зарывались в лесовозные дороги, приковывали себя цепями к тяжелой технике или сидели на деревьях. Безусловно, в этих действиях участвовали смелые и принципиальные женщины. А в некоторых акциях, особенно в блокаде сапфировой шестерки в Орегоне, женщины были большинством. Но в общем и целом те, кто имел свободу для такого рода путешествий и принятия риска, были мужчинами.

Я никогда сознательно не пыталась изменить Earth First!. Я просто применила свои собственные ценности и опыт к своей работе. Я ничего не имею против отдельных дерзких поступков. Но недостатком этой стратегии является неспособность участвовать в долгосрочной общественной организации. Нет ни одного способа, которым несколько изолированных индивидуумов, независимо от своей храбрости, могли бы вызвать массовые социальные изменения, необходимые для спасения планеты. Поэтому мы начали кооперироваться с местными жителями, планируя наши лесозаготовительные блокады вокруг вопросов, которые имели локальную поддержку. Мы также начали создавать профсоюзы с прогрессивными лесопромышленниками, основываясь на наших общих интересах против крупных корпораций. По мере роста наших успехов, все больше женщин и людей с семьями и корнями в общине стали называть себя «первыми жителями Земли» (в оригинале игра слов: Earth Firstlers — прим. ttw) в нашем районе.

По мере того, как росло наше влияние, росло насилие для его подавления. И в этом отдаленном, сельском, лесозависимом районе оно легко могло сойти с рук. На одной из демонстраций разъяренный лесоруб ударил 50-летнюю мирно протестующую женщину так сильно, что сбил ее с ног и сломал нос. В другой раз мою машину протаранил сзади тот самый лесовоз в стиле Карен Силквуд (Карен Силквуд — американская героиня антиядерного сопротивления, отравленная плутониумом и разбившаяся на машине в 1974 году при невыясненных обстоятельствах — прим. ttw), который мы блокировали менее 24 часов назад. Машина была разбита, мои дети, я и другие участники EF!, что ехали с нами, оказались в больнице. В обоих происшествиях, как и в других случаях насилия в нашу сторону, местная полиция отказалась арестовывать, преследовать наших нападавших или даже расследовать произошедшее.

Earth First! никогда не инициировали никакого насилия. Но мы также публично не ассоциировали наше движение с открытым кодексом ненасилия. В конце концов, это противоречило бы образу «Химэна» (в оригинале: He-Man — персонаж комиксов, маскулинный супергерой с невероятной силой из франшизы Masters of the Universe — прим. ttw) на котором EF! были основаны. И все же я не представляла себе, как мы могли бы противостоять все более нестабильной ситуации на линии борьбы, не заявляя и не принуждая к ненасилию. И, учитывая скорость, с которой падали деревья, и подавляющую мощь лесопромышленных корпораций, я не представляла, как мы могли бы спасти лес,

полагаясь только на наше небольшое сельское население и ячейку EF!

Итак, опираясь на уроки движения «За гражданские права» (Civil Rights Movement), мы выпустили общенациональный призыв к Freedom Riders (Freedom Riders — часть американского движения Civil Rights Movement — прим. ttw) приехать в Северную Калифорнию и участвовать в ненасильственных массовых акциях, чтобы остановить резню секвойи. Мы назвали эту кампанию «Летом Редвуда» (Redwood Summer), и когда стало ясно, что мы успешно привлекаем интересы национального масштаба и строим инфраструктуру, чтобы справиться с притоком участниц\ков, уровень репрессий снова возрос.

С приближением «Лета Редвуда» я начала получать серию все более пугающих письменных угроз о смерти, очевидно написанных в интересах компании «Big Timber». Самой страшной из них была фотография с демонстрации, на которой я играла музыку, с прицелом винтовки и крестом на лице, приклеенным желтой лентой — символом лесной промышленности. Когда я обратилась за помощью в местную полицию, там сказали: «У нас нет людей для расследования. Мы проведем его, если тебя убьют». Когда я пожаловалась в городской Совет наблюдателей, они ответили: «Ты сама виновата, Джуди». Наконец 24 мая 1990 года. Когда я ехала по Окленду в концертный тур, чтобы рекламировать «Лето Редвуда», под моим сиденьем взорвалась бомба. Помню свои мысли, когда меня пронзило насквозь. Я подумала: «Вот что люди делают друг с другом на войне».

Бомба должна была убить меня, и это почти получилось. Она раздробила мой таз и оставила калеккой на всю жизнь. Мой компаньон-организатор, Дэррил Черни, будучи со мной в машине, тоже был ранен, но не так серьезно. Затем в течение нескольких минут прибыли полиция и ФБР, чтобы арестовать нас. Они заявили, что это была наша бомба, и мы сознательно везли ее. В течение восьми недель они клеветали на нас в прессе, пытаясь изобразить жестокими и дискредитировать кампанию по защите Редвуда, пока, наконец, не были вынуждены снять обвинения из-за отсутствия доказательств. Но до сих пор никакого серьезного расследования взрыва не проводилось, террорист остается на свободе.

Джуди Бари (слева) и Дэррил Черни на акции Earth First! в поддержку «Лета Редвуда»

Признаки того, что нападение на меня было женоненавистническим и политическим, были заранее. Например, в одной из угроз нас описывали как «шлюх, лесбиянок и членов N. O. W. (National Organization for Women — Национальная Организация для Женщин — прим. ttw)». Но вскоре после взрыва я получила письмо, которое не оставило никаких сомнений. Оно было подписано неким «Мстителем Господа», который брал на себя ответственность за взрыв. В нем подробно описывалась бомба и леденящей душу прозой объяснялось, почему «Мститель Господа» хочет моей смерти. Его возмущало не только мое «язычество» и защита леса — он также вспомнил защиту клиники аборт, которую я вела много лет назад:

“Я видел, как пламя Сатаны вырвалось из ее уст, ее глаз и ушей, навсегда доказав, что это была неблагочестивая женщина, не была Руфь, исполненная послушания, чтобы произвести детей Адама по всему миру, как это было угодно Богу. “Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. (Тимофею 2: 1)”».

Пока я лежала в госпитале опустошенная, распространялась и другая мизогинная литература с ненавистью ко мне. Хуже всего было от Сахарского клуба (Sahara Club),

антиэкологической группы, которая написала в своем бюллетене:

“ «Бомбите эту промежность! Джуди Бари, первая летучая мышь на Земле, которая взорвала себя на полпути в ад и обратно, перевоза бомбу в своем субару, провела пресс-конференцию в Сан-Франциско. ...Бари, которой оторвало промежность, больше никогда не сможет размножаться. Мы просто пытаемся выяснить, кто вызвался бы оплодотворить ее, если б она была цела. Последнее, что мы слышали, — это как Джуди и ее друзья надували губы и зализывали свои раны».

А тем временем в лесу Редвуда лето продолжалось без меня. До взрыва я была одной из очень немногих женщин, которые взяли на себя выдающуюся руководящую роль в Earth First!. Но после него именно женщины поднялись, чтобы занять мое место — и заняли 3/4 руководящего состава. Это было летом первой волны феминизации EF!. Наши прошлые локальные акции привлекли не более 150 участников. В этом году прибыли 3000 человек, блокируя лесозаготовительные операции и маршируя по городам в демонстрациях, напоминающих антирасистские на юге. Несмотря на невероятное напряжение и провокацию, несмотря на жестокое насилие, совершенное надо мной, Earth First! поддерживали наше присутствие и наше ненасилие в течение всего лета.

Будучи первой акцией женщин «Лето Редвуда» никогда не получало того уважения, которого оно заслуживает от старой гвардии EF!, хотя глубоко повлияло на защиту региона секвойи. Оно привлекло внимание национальных и международных кругов к проблеме уничтожения древнего леса. 2000-летние деревья из Headwaters Forest, на которые Earth First! пролила свет, сейчас сохраняются во многом благодаря нашим действиям. Наследие нашей принципиальной и ненасильственной позиции летом в Редвуде снискало нам уважение в сообществах и позволило развивать местное движение. Наша группа, недавно переименованная в Ecotopia Earth First!, — вероятно, единственная по-настоящему гендерно сбалансированное сообщество, с которым я когда-либо работала, — теперь в равной степени возглавляется сильными женщинами и профеминистами-мужчинами.

Думаю, что причиной насилия в мою сторону были не только мои слова, но и пол. Недавно я была на семинаре в Теннесси, посвященном насилию и харассменту в экологическом движении. В кругу было 32 человека, приехавших со всей страны. Когда все по очереди рассказывали о себе, я была поражена, что самые серьезные акты насилия были совершены в отношении женщин. И, конечно, это не удивительно. Потому что именно ненависть к женскому началу, что есть ненависть к жизни, способствовала разрушению планеты. Именно сила женщин способна восстановить баланс, необходимый нам для выживания.

Бари Джуди. Беседа с Earth First! через Джуди Бари

1991, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Предисловие

Джуди Бари — активная участница влиятельного в прошлом экологического движения Earth First! — вдохновляла целые поколения на коллективную и ненасильственную защиту окружающей среды, полагаясь на философию биоцентризма и экофеминизма.

В обширном интервью 1991 года энвайронменталистка, укрываясь в лесной лачуге, рассказывает о влиянии кампании «Лета Редвуда» на феминизацию экологического движения, его объединение с широкими либертарными задачами социальной борьбы в 90-е, правах рабочих и биоцентризме, уходе сооснователя Earth First! Дэйва Формана и антропоцентрических взглядах маскулинных защитников природы.

перевод: станислава погода для taste the waste редакция: иван човеков

Беседа с Earth First! через Джуди Бари

Джуди Бари (со скрипкой) и Дэррил Черни (с гитарой)

Дух журнала Mother Jones живет сегодня в глухих лесах Северной Калифорнии. Самая красноречивая организаторка анти-бензопилы северного побережья, движения Earth First!, Джуди Бари вернулась к работе — защите древних лесов от корпоративной резни. В мае прошлого года в Окленде ее покалечил подрыв собственной машины, после чего ФБР попыталось возложить вину на нее и ее компаньона Дэррила Черни. Точно также как бабушка американского рабочего движения боролась с Королем Углем столетие назад, Бари взяла на себя больших лесных баронов, вооруженная мегафоном и твердым кредо: «никаких компромиссов в защите Матери-Земли».

Боевой клич отразился от калифорнийского национального парка Редвуд до Уолл-Стрит, охватив прогрессивную повестку дня — глубокое почтение к Земле и ее созданиям. Для главной архитекторки «Лета Редвуда» (Redwood Summer) 1990-х — знаменитой ненасильственной кампании по спасению исчезающих некогда зеленых прибрежных зон Калифорнии — необходимо прекратить уничтожение окружающей среды.

Бари привила энвайронментализму ненасилие, социальную справедливость, равные права и другие прогрессивные ответы общественным проблемам. Бывшая организаторка трудяг в Мэриленде, она давно стала крестоносцем для обездоленных, бесправных и угнетенных на фабриках, полях и офисах по всей стране.

Бари вложила свои организаторские способности в работу на северном побережье, создавая коалиции с работниками лесозаготовительной отрасли для борьбы с нарушением их прав и злоупотреблениями корпораций. Она основала ячейку профсоюза Промышленных Рабочих Мира (Industrial Workers of the World — интернациональный международный профсоюз пролетариата, основанный в 1905 году в Чикаго — прим.ред.) в Мендосино и представляла группу мельничных рабочих, которые были отравлены утечкой PCBs (полихлорированного бифенила) на целлюлозном заводе Форт-Брэгг компании Georgia-Pacific.

В этом обширном интервью Джуди Бари рассказывает из своей деревенской «хипповской лачуги» в глухом лесу Мендосино, где живет с двумя маленькими дочерьми, о своих взглядах на влияние «Лета Редвуда», прогрессивной коалиции в 1990-е, феминизации организации Earth First! и уходе ее сооснователя Дэйва Формана, который на прощание публично осудил Бари и поддерживающих ее феминисток за «введение классовой борьбы и гуманизма» в организацию, которую он задумывал для сохранения дикой природы.

— Оглядываясь назад, как ты относишься к итогам «Лета Редвуда» в прошлом году?

— Я думаю, что «Лето Редвуда» было успешнее, чем мы могли себе представить. Самый скромный показатель — это участие 3000 человек. Летом ранее, два года назад, участие приняли не более 150. Так что в этот раз довольно много. Люди приезжали со всей страны, в том числе студенты и те, кто раньше не занимался активистской деятельностью. Мы радикализировали очень многих людей. Одна из идей лагеря была в том, чтобы «посадить семена» и передать факел следующему поколению. Нам звонили люди, которые вернулись домой и пытались начать все сначала. Только что мы получили очень трогательное письмо от матери 20-летнего студента колледжа, который погиб в автокатастрофе этой осенью. Он был в Редвуде, и она сказала, что это был самый значимый поступок, который он когда-либо совершал.

Нет, мы не остановили лесозаготовки — прошлым летом они спилили 20-летние деревья. Но мы вынесли эту проблему на национальный уровень, на международный уровень, обратили такое масштабное внимание, до которого она никогда не раздувалась. Я думаю, что упреки в духе «вы не остановили лесозаготовку» нелепы. Никто никогда не подходил к антивоенным демонстрантам во времена войны во Вьетнаме со словами: «Движение потерпело неудачу, потому что вы не остановили войну этой демонстрацией». Речь идет не о том, чтобы какая-то конкретная демонстрация прекратила рубку. Это скорее Эффект Манро. Я думаю, что мы подняли уровень осознания этого вопроса, подняли ставки.

Выступление Джуди Бари

— Какие еще последствия имело «Лето Редвуда»?

— Еще одно достижение этого лета, о котором вы никогда не прочтете в популярных медиа, — это культура людей, работающих в лесной промышленности. Даже независимые лесорубы, работающие на крупные лесопромышленные корпорации, начинают задавать вопросы и высказывать свое мнение. В журнале «Форт-Брэггский Адвокат», который выступает за рубку деревьев, была передовица против Earth First!, признающая, что корпорации рубят слишком много. И теперь, когда корпоративная лесная земля заканчивается, возможно, мелкие землевладельцы смогут научиться вести лесозаготовки

экологически безопасным способом. Люди никогда раньше не поднимали эти темы. Одна вещь, которая меня очень впечатлила, — как большинство участников нашей кампании поняли, что все это было направлено не против рабочих.

— Не было ли это связано с акцентом кампании на ненасилие и постоянными программами обучения ненасильственным акциям в течение всего лета?

— Абсолютно. Один из результатов — то, что эта повестка была вообще поднята, в том числе вопросы о том, кто во всем виноват. За летом наступила «корпоративная осень». Мы говорили, что отдельные лица должны нести ответственность — и это не безликие корпорации. Наш лозунг: «Земля не умирает, ее убивают. А у убийц есть имена и адреса». Это цитата автора wobbly-песен Юты Филлипс (wobbly — «раскачивающий», протестный кантри движений за права рабочих — прим.ред.).

Цель «корпоративной осени» была в том, чтобы перенести демонстрации в офисы и роскошные дома людей, которые получают выгоду от разрушения планеты. Тот, кто зарабатывает семь или девять долларов в час, вырубая последние секвойи, не получает никакой выгоды от этого. Заработная плата в лесах округа Мендосино просто ужасающая. Девять баксов в час — это средний показатель. И есть много мексиканцев, включая нелегальных рабочих, которым платят меньше, чем за самую опасную работу в Соединенных Штатах. Это просто возмутительно — их эксплуатируют, чтобы разрушать Землю. Когда они закончат свою работу, корпорации их уволят, и у них не будет денег ни на переезд, ни на переобучение, ни на что-либо еще. Мы пытаемся четко определить, кто заслуживает порицания. Мы не обвиняем работающих в лесной промышленности людей, которые подвергаются эксплуатации. Мы виним тех, кто несет за все это ответственность.

Тогда Центральноамериканские группы устраивали демонстрации. У нас были люди, которые работали над антиядерными и мирными вопросами. Итак, еще одна вещь, которую мы сделали, — это помогли связать различные проблемы и энвайронментализм с частью массового протестного движения, от которой он был печально отделен.

— Как вы думаете, почему защитники окружающей среды остались в стороне от основных прогрессивных движений?

— Начнем с того, что эти люди были привилегированными. Они хотят сохранить дикую природу, чтобы наслаждаться ею во время пеших походов, что само по себе является классовой привилегией. Люди в гетто не беспокоятся о дикой природе, потому что, во-первых, они не могут добраться до нее, а во-вторых, в первую очередь они стараются выживать. В первую волну экологического движения сопротивление было сосредоточено на спасении природы. Но разрушение планеты достигло таких масштабов, которые угрожают самим экосистемам и инфраструктуре жизни, поэтому мы больше не спасаем декорации. Мы спасаем основу для жизни.

Это приводит к тому, что в 1990-е годы разрушение окружающей среды оказалось в центре внимания.

Мы разрушаем планету с такой скоростью, что она больше не может поддерживать общество в его нынешней форме, — это главное противостояние. Мы приближаемся к исчерпанию ресурсов. Наше общество было построено на эксплуатации как низших классов, так и Земли. В этом я буду отходить от позиции Маркса. Маркс говорит, что всякая ценность проистекает из труда. Я думаю, что вся ценность проистекает из труда и Земли. Рабочим не выплачивают полную стоимость их работы, как и не восполняют ресурсы, отобранные у планеты. Таким образом, прибыль крадется как с нее, так и с рабочих.

“ Но разрушение планеты достигло таких масштабов, которые угрожают самим экосистемам и инфраструктуре жизни, поэтому мы больше не спасаем декорации. Мы спасаем основу для жизни.

Бесправные, бедные люди, которые работают на «Раковой Алее» (Cancer alley — промышленный район вдоль реки Миссисипи между Батон-Руж и Новым Орлеаном — прим.ред.) не имеют голоса. Профсоюзы их не представляют, за исключением профсоюза сельскохозяйственных рабочих. Только 15 процентов рабочей силы состоит в профсоюзах. И они, как правило, действительно ограничивают себя. Если они говорят о безопасности на работе, то в таком узком смысле, что как только яд покидает растение, они больше не беспокоятся. Там, конечно, нет партии, представляющей рабочих. Вот что, по-моему, мы должны делать. Вот кем, думаю, должен быть наш избирательный округ. Наши избиратели также должны быть лесорубами, которых уничтожают вместе с лесами.

— Потому что многие энвайронменталисты не понимают взаимосвязи между эксплуатацией бедных, представителей рабочего класса и эксплуатацией Земли?

— Глубинная экология провозглашает взаимосвязь всех биологических видов на земле. Если вы признаете, что все взаимосвязано, как вы можете говорить, что мы можем отделить от себя дикую природу и утверждать, что она не взаимосвязана с обществом вокруг? Эта стратегия противоречит самой теории биоцентризма. Я опровергла такое мнение Дейва Формана, сооснователя Earth First!, в журнале движения Earth First!. Вообще-то, он нас раскусил (в оригинале: red-baited — американское выражение, обозначающее подозрение в коммунистических и других левых идеях — прим.ред.). Он так и сказал: «Вы не зеленые, вы красные». Якобы мы привносим посторонние вопросы классовой борьбы и социальных проблем — по этой же причине он считает нас антропоцентристами. Не думаю, что это так — нельзя же разделить эти проблемы. И единственная причина попытаться их разделить возникает из-за того, что люди не хотят бросать вызов обществу, так как это им не выгодно. Форман называет себя патриотом и по сей день! Его образ жизни и политика вполне тому соответствуют.

Не думаю, что Дейв Форман или кто-либо из членов группы осознает это, но другой аспект, по-моему, заключается в том, что часть дискомфорта им доставляет «женский», а не «мужской» стиль организации. Одна из вещей, которой мы достигли в «Лето Редвуда», — то, что я называю феминизацией Earth First!. Мы изменили организационную стратегию, используя коллективное ненасилие, а не индивидуальную браваду. Мы не просто пытаемся

сместить мужских лидеров — мы пытаемся изменить стиль лидерства так, чтобы он был коллективным и не зависел от прославления отдельных личностей.

— Женщины тоже могут быть эгоистами. У меня было несколько довольно плохих женщин-боссов.

— Плохие женщины-боссы подражают мужчинам, но я думаю, что есть нечто большее. Женщины играют биологическую роль дарительниц жизни и воспитательниц. Знаешь, я никогда в это не верила, пока не родила детей. Я думала, что разница между мужчинами и женщинами есть только в воспитании — до тех пор, пока у меня самой не родились дети. Есть биологическая разница. Женщины, безусловно, способны подражать мужчинам — посмотрите на Маргарет Тэтчер, она идеальный пример. Но это не так просто для женщин, им сложнее так себя вести. Для такого поведения они должны предать не только свой класс, но и некоторые основные инстинкты.

— Некоторые феминистки утверждают, что патриархальная агрессия является основой всех проблем.

— Не знаю, является ли она основой всех проблем. Я не могу сказать так, но это определенно важный элемент. Есть этот драйв, эта мужская агрессия. Есть и потребность в индивидуализме, которая с ней связана. «Мужская» стратегия, бывшая стратегия Earth First!, включала в себя опору на индивидуальные акты мужества. Это было основой: мы заставим какого-нибудь храбреца залезть на дерево и за это попадем в газету. Или прокрадемся ночью и саботируем бульдозеры.

Это что-то вроде «настоящего мужчины». Весь этот маленький мачо-сценарий не был рассчитан на массовую организацию. На самом деле, они [мужчины в EF!] очень неудобны в массовой организации — им реально некомфортно участвовать в коллективных действиях.

“ Если мы не сможем выйти за пределы белого среднего класса, у нас не будет ни единого шанса.

Думаешь, они элитарны? Абсолютно! Как метко выразился один мой друг: «Вопрос в том, сначала Земля или сначала "Earth First!"?» Эти люди видят в организации маленькую клику и хотят сохранить ее чистоту в ущерб эффективности.

— Это напоминает мне о старой битве между троцкистами и сталинистами.

— Верно. У нас есть строгая линия, и мы не хотим, чтобы такие люди приходили, ведь у них не будет этой линии. Вопрос ко мне: «Мы хотим спасти планету или сформировать маленький элитный кружок?» Если мы хотим спасти планету, мы должны устранить коренные причины, включая патриархат и разрушительное эксплуататорское общество. Мы не можем разделить эти проблемы. Если все, что мы хотим сделать, — это почувствовать себя лучше и успокоить свою вину, тогда крадитесь ночью и саботируйте бульдозеры, а раз

в год устраивайте рандеву, в котором 400 человек собираются вместе и затем проводят акцию. Но это не спасет планету. Если мы не сможем выйти за пределы белого среднего класса, у нас не будет ни единого шанса.

Интересно, что Дэйв Форман и его друзья придумали лозунг «Никаких компромиссов в защиту Матери-Земли» (No Compromise in Defense of 'Mother' Earth).

Это часть мужского мифа — «Мы, храбрые воины, пойдем защищать материнство и яблочный пирог (американская идиома, которая обозначает что-то типичное и привычное для американцев – прим. ред.), или Мать-Землю!» Это ничем не отличается от господствующей парадигмы, которую они пытаются разрушить. Не только мужская агрессия является частью уничтожения планеты, но и ненависть к женскому полу способа, которым они поддерживают контроль внутри движения и общества, частью которого оно является. Я имею в виду Движение с большой буквы Д. Думаю, это всегда было проблемой. Я часто смеялась над отцом. У него на полке стояла книга, которую мы называли «Женский вопрос». Она была для мужчин, комментирующих «женскую проблему». Вы знаете этот вопрос, «что мы делаем в движении с "женским вопросом"?» Как говорит Фрейд, «чего хотят женщины?» Я скажу тебе одну вещь, Фрейд. Мы не хотим членов!

Это не вопрос мужчин и женщин. Это действительно вопрос о женской и мужской энергии.

Думаю, это действительно важное различие. Я не против мужчин, и я не сепаратистка. Я феминистка и экологиня. Я не считаю, что единственная проблема — между мужчиной и женщиной. Это лишь ее часть, и любой, кто притворяется, что это не так, поддерживает статус-кво.

— Как вы думаете, «Лето Редвуда» — хорошая модель для организации других коалиционных усилий?

— Абсолютно. На самом деле, многие другие группы заявили, что они хотят сделать что-то подобное. Это дает возможность расширить движение и обеспечивает преемственность между поколениями, местными организаторами и людьми, которые поверхностно заинтересованы в спасении планеты. Это дает возможность различным элементам движения объединиться, так как мы пытаемся использовать существующие структуры. Например, Центральноамериканская аффинити-группа (Central American affinity group) решила провести акцию, в которой участники сосредоточились на сравнении между Центральной Америкой и тем, что происходит на северном побережье. «Лето Редвуда» также предоставляет модель неиерархической или менее иерархической организации, которую может использовать движение. Мы можем быть эффективными и действовать без принятия этой иерархии и контроля мужского общества, его доминирующей парадигмы.

Некоторые люди говорят, что это открывает вам путь к анархии и хаосу.

Это правда, что у нас было много хаоса, но не забывайте, что «Лето Редвуда» началось с того, что главные участники были разгромлены покушением. Я имею в виду, дайте мне передохнуть! Во-первых, взрывом были выведены из строя наши самые опытные организаторы. А люди либо пугались, становились недееспособными, либо помогали мне

заботиться и защищать себя и Дэррила. Было много путаницы из-за нападений на нас и нашей собственной неопытности, а не тактики кампании.

Это тоже впервые. Никто из нас не был достаточно опытен, чтобы справиться — мы никогда раньше не работали в таких масштабах. Я помогала организовывать демонстрации 2000 человек и раньше, но не в отдаленной сельской местности в лесу. Мы могли бы сделать намного лучше с гораздо меньшим количеством людей, если бы делали это снова. «Лето Миссисипи» (Mississippi Summer — волонтерская кампания в Соединенных Штатах, начатая в июне 1964 года, чтобы зарегистрировать как можно больше афроамериканских избирателей в Миссисипи – прим. ред.) длилось четыре года. До «Лета Свободы» (Freedom Summer – другое название «Лета Миссисипи»; подразумевается завершение кампании – прим. ред.) оставалось четыре года. Это было четыре лета назад. У нас было четыре месяца. Думаю, нам есть чему поучиться.

В движении между людьми, стремящимися к большей организованности, и людьми, стремящимися к большей свободе индивидуальных действий, всегда присутствовала напряженность.

Мы склоняемся в анархичную сторону. Думаю, если у вас слишком много организованности, то вы подавляете индивидуальное творчество, и в конечном итоге запугаете общество, которое пытаетесь изменить. Мы пытаемся создать модель новых отношений между людьми. С одной стороны, мы пытаемся спасти леса секвойи. С другой, хотим изучить новые способы взаимоотношений, сформировать новые, не эксклюзивные, общества. И там будет место неэффективности. Я имею в виду, что фашизм — это самая эффективная система. Но я, конечно, могу терпеть неэффективность в обмен на большую свободу и более коллективный дух среди менее иерархической организации.

ФБР, безусловно, помогло движению объединиться. Одними из первых групп, предложивших свою поддержку после бомбардировок, были Американский совет по договорам индейцев (American Indian Treaty Council) и коалиция «Радуга» (Rainbow Coalition). Через эти группы выразили поддержку Движение американских индейцев (AIM) и «Черные Пантеры», которые больше не функционируют под этими названиями. Представители AIM посетили конференцию Earth First! в Колорадо этой осенью. Обе эти группы были объектами преследований ФБР — хотя и более интенсивно — одного и того же человека, Ричарда Холда (директора тайной программы наблюдения ФБР COINTELPRO за внутренними протестными группами). Это помогло нам сблизиться. Защитники окружающей среды склонны видеть себя отдельными. Ну, ФБР не считает нас такими.

Взорванная машина после покушения, в которой ехали Джуди Бари и Деррил Черни

— Должны ли в этом участвовать коренные американцы, потому что они являются хранителями этой земли?

— Они не видели своей роли хранителей. Они видели себя частью природы, а не ответственными за нее. Они не видели себя доминирующим видом. Они не считали людей кульминационным видом. Нам нужно это перенять. Точно так же, как нам необходимо изменить иерархию внутри нашего общества, нам нужно изменить наше иерархическое представление о природе. Вот что так революционно в отношении Earth First! и именно поэтому мы не хотим отказываться от нее, когда мачо-мужики делают ей дурную славу. Потому что конечное послание Earth First!, что означает «Сначала Земля!», — биоцентризм — идея о том, что человек не является центром Земли. Земли здесь нет, природа не для того, чтобы служить человеку, а человек всего лишь часть природы, и мы должны вернуть это принадлежащее нам место. Попытки господства над природой привели нас на грань уничтожения, Землю — на грань утраты способности поддерживать жизнь в том виде, в каком мы ее знаем. На самом деле я не думаю, что мы можем разрушить жизнь — мы не настолько могущественны. Зато эта форма жизни может быть в тупике — полном эволюционном тупике.

Что происходит с расследованием взрыва? Ничего. Могу сказать без всяких сомнений, что ФБР активно препятствовало проведению реального расследования. Они активно добивались, чтобы бомбардировщик не был найден. На это есть причина: скорее всего, ФБР напрямую замешано в этом. У меня нет доказательств, кроме того, что их поведение после взрыва полностью соответствовало прошлой истории с COINTELPRO. Есть слишком много вещей, которые просто не имеют смысла. Почему они вообще были там сразу? Почему они сказали, что мы с Дэррилом не только подозреваемые, но и единственные подозреваемые?

Они пришли к такому выводу в течение нескольких часов после взрыва, несмотря на то, что мы были вовлечены в крайне нестабильную организационную кампанию в отрасли, известной своей жестокостью, и что нам угрожали убийством еще до взрыва. Они закрыли глаза и утверждали, что это была наша бомба. Они «знали» это, потому что, по их словам, она была за сиденьем и мы должны были видеть ее. Позже мы показали по местам моих ранений, что бомба была под сиденьем, где ее нельзя было заметить. И ФБР уступило.

Проблема с ФБР в том, что такие вещи не всплывают годами. Если вообще когда-нибудь всплывают. Ведутся расследования, но не от ФБР. У нас есть следователь, за которого заплатил «Гринпис». Есть также расследование в Конгрессе, проведенное Судебным комитетом Палаты представителей по конституционным и гражданским правам во главе с конгрессменом Доном Эдвардсом (Д-Сан Хосе). Коалиция из 50 (прогрессивных) групп, призывавшая к расследованию прошлым летом, реально добилась его проведения. Комитет представил ФБР список вопросов, и ФБР отказалось на них отвечать. Так что я не знаю, куда это приведет — мы окажем любое возможное давление.

«Вы теперь не боитесь» — это был очень долгий, трудный процесс, чтобы проделать весь путь до такого. Постепенно, с огромной поддержкой многих людей, я снова обрела уверенность в себе. Еще не всю.

Как только я попыталась вернуться домой после взрыва, на почтовом ящике моего домовладельца появился плакат и еще одна угроза смерти. Там было написано: «Бари, убирайся!» и указаны мои точные маршруты, пробег машины и все остальное прямо до этого адреса. Там было написано, что хиппи строят мне укрытие для местной Earth First! и автор предлагал ящик пива «Coors» тому, кто меня подожжет, и шесть банок за каждую хижину хиппи по дороге. Угрожали не только мне, но и всему моему сельскому отдаленному району — поджогом в сухое лето. Письмо было подписано Стоппмерами (Stompers). Довольно трудно оправиться от взрыва и продолжать получать смертельные угрозы.

Беспокоюсь ли я о своих детях? Конечно. Сейчас я выбрала самое безопасное место, чтобы жить. После взрыва я думала, что больше никогда не смогу делать ничего политического. Если бы кто-то спросил меня, готова ли я умереть, я бы ответила: «подожди, пока мои дети вырастут». Я не пыталась пожертвовать собой за их счет — это было очень, очень тяжело для них. Они до сих пор не могут спать спокойно.

После взрыва я сказала Лизе (девятилетней дочери Бари — прим. ориг.), что вообще брошу политику. Она сказала, что не хочет этого, несколько раз. И знаете, одна из причин, по которой я это делаю ради детей — чтобы у них было достойное место, где они могли бы расти.

— Вы являетесь хорошим примером для детей, которых воспитываете в этом мире, не боясь высказываний.

— Ну, может быть, они будут больше бояться. Есть еще одна вещь, благодаря которой я смогла идти вперед — вы когда-нибудь слышали стихотворение Джона Трюдо «Это не Эль Сальвадор»? Знаете, что случилось с Джоном Трюдо? Он был лидером AIM, и его

предупредили, чтобы он не произносил конкретную речь. И он все равно ее произнес. По возвращению домой Трюдо обнаружил, что дом был заминирован, а его жена, двое детей и свекровь погибли. «Это не Эль Сальвадор» — стихотворение об этом. Дело, конечно же, в том, что это Эль Сальвадор. Когда я думаю о Джоне Трюдо, я думаю о Фреде Хэмптоне и «Черных Пантерах», о людях в Сальвадоре и Никарагуа, где 50 процентов детей — сироты...

Мы знаем, что вся система опирается на насилие. И если мы эффективно бросаем вызов системе, то неудивительно, что она собирается применить насилие против нас. Люди из Американского индейского движения (American Indian Movement) как-то сказали: «Насилие не является для нас выбором. Оно как погода — просто случается». Это часть власти и то, что мы пытаемся изменить в обществе. Но со знанием того, что такое общество и насколько оно на самом деле жестоко, как только к нам начнут применять насилие, мы бросим свое дело и потерпим поражение.

Я не понимаю, как мы можем поддерживать народ Эль Сальвадора и так легко запугаться, участвуя в борьбе здесь. Я не пытаюсь отнять у Сальвадора солидарность. Я, безусловно бы, сделала это — я была региональной координаторкой «Клятвы сопротивления» (Pledge of Resistance). Думаю, участвуя в борьбе на местах, мы тем самым помогаем народу Сальвадора. Но как мы можем продолжать бороться, когда все, что требуется им — это простейшая задача для нас, а мы все равно отступаем? Когда я смотрю на мужество товарищей в Сальвадоре, на людей в Южной Африке и на то, с чем им приходится мириться, наши проблемы меркнут рядом. Мы все еще очень привилегированны. Давайте говорить серьезно — я имею в виду, выбор очевиден, там же собираются убить Землю и все живое на ней! Альтернатива в том, что либо мы будем противостоять, либо все пойдет своим чередом. Мы должны проявить как личное, так и коллективное мужество, потому что только так можно выжить.

Когда вы говорите, что борьба выходит за рамки личной безопасности людей, я думаю, что наша коллективная безопасность важнее. И судьба леса важнее, чем моя. У меня есть цель быть здесь. Мне даны таланты и способности: способность анализировать, ясно говорить, умение налаживать связи. Я чувствую, что причина, по которой у меня есть эти таланты — в движении, и я хочу использовать их по назначению. Если я перестану, им не придется меня убивать и они преуспеют.

Иногда я боюсь до смерти. Иногда я так боюсь, что не могу заснуть и буквально дрожу от страха. Я не собираюсь притворяться, потому что я определенно боюсь. Я не хочу быть мученицей — это не весело и не гламурно, а чертовски больно.

— Ты поддержала людей своей смелостью и честностью. Я слышала, как многие люди, которые не являются активистами, говорят, что ты была для них потрясающим примером и вдохновением.

— Я получаю письма от разных людей, и удивительно, как много из них — женщины. Мне не нравится, когда меня считают иконой, это меня беспокоит. Нужно сказать, я горжусь, что являюсь примером для женщин. Я горжусь тем, что помогаю им встать. Думаю, это единственное, что сделал тот взрыв. В «Лето Редвуда», в мое отсутствие, 10 сильных

женщин поднялись, чтобы занять мое место, и движение увеличилось в десять раз. Эти женщины уже были в движении, но невидимками. Со мной многие участники, в первую очередь женщины, поднялись на более заметные роли. Это был другой аспект феминизации Earth First! — подъем определенных лидеров.

Возможно, поэтому это было так угрожающе. Женское движение угрожает мужской структуре власти. Точно так же, как черное движение угрожает белому.

Джуди Бари с одной из дочерей

— Кроме исцеления себя, над чем ты работаешь в эти дни?

— Я начинаю координировать книгу о «Лете Редвуда», потому что ее очень задерживали. Мы составляем предварительные отчеты. Мы все знаем, что никогда не будем прежними. Но если вы прочтаете прессу, то подумаете, что ничего не случилось, что это полный провал. The New York Times сказала, что пришло 500 человек за все лето, что мы разрушили Earth First!, вызвали местные разногласия, и что проблема по-прежнему в рабочих местах, а не в деревьях, что никогда и не было проблемой. Проблема в краткосрочной прибыли в сравнении с долгосрочным выживанием. Очень важно донести эту мысль.

Я намерена говорить и писать как можно больше. Мне также нужно быть в местном сообществе. Я не могу выйти на национальный уровень — тогда я потеряю свою местную базу или свое обоснование. Я занимаюсь этим не только в вакууме. Я делаю это, потому что связана и с землей, и с людьми здесь. И думаю, что движение намного продвинулось вперед по сравнению с положением до взрыва.

“ Проблема в краткосрочной прибыли в сравнении с долгосрочным выживанием. Очень важно донести эту мысль.

Самое большое, что мы потеряли после взрыва бомбы, — работу коалиции. Очень смело со стороны рабочего начать с нами соглашаться, работать с нами и говорить: «Да, эти люди правы. На короле нет одежды». Было несколько рабочих, которые начали делать это публично, и много тех, кто начал в частном порядке. И больше всего начинали анонимно — в том числе люди, которые передавали мне информацию, звонили. Люди в лесной промышленности испугались взрывов, и рабочая коалиция потеряла позиции. У нас есть разные сторонники среди лесозаготовителей, но предстоит ещё долгий путь, чтобы они начали доверять не только мне, но и экологам. И не начинали верить линии компании.

Многих сейчас увольняют, потому что прошлым летом они срубили двадцатилетние деревья. Уложили их на бревенчатые палубы, и началась рецессия. Из-за автоматизации и экспорта, из-за перегрузки. То, что я вижу среди некоторых лесозаготовителей, скорее критика корпораций, — острее, чем раньше. Есть возможность восстановить альянс, который мы начинали строить, и надеюсь, я смогу над этим поработать. Это не работа во славу — я не получаю ни копейки. Медленная, но самая важная работа, которую я могу сейчас выполнять.

У меня есть уникальная перспектива, потому что я не просто наравне с рабочим классом. Я всю свою жизнь была синим воротничком. И сознательно саботировала себя, не получив диплом колледжа. Я выполняла фабричную и плотницкую работу, а также различные другие работы, была кассиршей. Так что я не просто говорю «эй!», а потому что это такие же условия моей жизни. Я веду слегка маргинальный образ жизни — всегда так и было. Я культурно отличаюсь от них, но с экономической точки зрения мы равны.

Проблема в том, как мы все сосуществуем на Земле. Стремление вести яппинский образ жизни, называя себя защитниками окружающей среды, образует огромное противоречие. Мы должны упростить нашу собственную жизнь.

Несс Арне, Мейляндер Питер. Менталитет будущего

2009, источник: [здесь](#), Перевод с норвежского - Злата Кононова

В этой статье, написанной совместно с Петером Мейляндером, 95-летний философ Несс Арне обрисовывает основные принципы глубинной экологии

Мы живем на непостижимо красивой маленькой планете. Но наше существование находится под угрозой. Если мы собираемся выжить, надо научиться думать по-другому. Наши мысли о будущем должны быть связаны с природой. Они должны касаться всех людей. Всех существ. Потому как все живое имеет свою ценность.

Глубинная экология – это менталитет будущего. Она поможет найти альтернативу тому, что сегодня кажется опасным и легкомысленным. Глубинная экология – это форма моральной серьёзности, основанная на анализе и науке. В своей основе она направлена на исследование понятия качества жизни и на обретение радости. В этой связи глубинная экология подразумевает также фантазию и игру. В сущности, глубинная экология – это позиция. Обязывающая позиция.

Мышление – это жизнь. В наше время жизнь находится под угрозой, а значит под угрозой и мышление. Поэтому мышление должно измениться. Речь идёт о тесной связи жизни на Земле и менталитета. Без мышления нельзя спасти жизнь. Без жизни нельзя спасти менталитет. Поэтому мы считаем, что мышление должно концентрироваться на жизни и природе. Не впадая в природоведческий идеализм, мы должны придерживаться научного реализма.

В своей основе менталитет будущего будет связан с поиском ответа на вопрос: Как сделать так, чтобы у большинства живых существ было наилучшее существование в обозримом будущем?

Это наш исторический вызов.

Глубинная экология предлагает метод для понимания и исследования жизни. Слово «глубинный» является прежде всего метафорой, указывающей на то, что наше понимание продумано, что мы настроены на мышление в «более глубоком русле». То есть, на вопросы глубинного критического характера и поиск наилучших ответов.

Под «экологией» мы прежде всего понимаем науку, согласно которой живые существа, включая людей, зависят друг от друга; более того, для действий и свободы человека существуют естественные границы. Во многих областях люди безвозвратно вытеснили или уничтожили многие биологические виды, поэтому переход к глубинному экологическому мышлению не терпит отлагательств. Все чаще мы стоим на краю перед выбором. От него зависит наша жизнь.

Мы верим в возможность обращения вспять нашей цивилизации. Мы верим, что переворот в сознании с последующим ограничением человеческой деятельности не обязательно означает ухудшение качества жизни. Совсем наоборот.

Главная мысль заключается в том, что наш менталитет развивается, а знания растут. Это позволяет нам ставить новые вопросы и получать на них новые ответы, ведущие к практическим решениям, а значит к новым и лучшим альтернативам.

Побудительным мотивом такого «глубинного» мышления является вера в то, что люди не находятся в конце своего эволюционного пути. И вряд ли мы когда-нибудь придём к нему. В глубинной экологии подчеркивается: быть человеком - значит иметь возможность стремиться к чему-то лучшему. Важно и то, что это «лучшее» касается не только меня лично или вас, но и всех людей в обозримом будущем.

Особенность человека по отношению к другим существам в том, что, размышляя, он может прийти к альтернативным решениям. Поэтому на человеке лежит большая ответственность, чем на других живых созданиях.

Вот почему понятие «ближний» такое важное для глубинной экологии. Ни одна из проблем не может обойтись без этого понятия. Для глубинной экологии «ближние» – это «все люди». Национальные границы, цвет кожи, религия и этническая принадлежность имеют второстепенное значение.

Но глубинная экология идёт дальше этого определения. Она хочет лучшей жизни для всех живых существ. Нечеловеческие существа имеют свою внутреннюю ценность. Они имеют такое же право на радость жизни. Мы не имеем в виду, что люди и животные имеют одинаковую ценность. Мы хотим лишь сказать, что люди не могут брать на себя право рассматривать других существ как средства [для удовлетворения человеческих нужд]. Человек находится в природе. И должен вести себя сообразно этой природе. Глубинный эколог не говорит: «Ты не должен убивать». Глубинный эколог спрашивает: «А есть ли необходимость убивать?» Или: «Есть ли необходимость убивать так много?» Из этого следует, что у нас есть право ограничивать чрезмерное распространение других существ, но нет права приносить им чрезмерные страдания или истреблять их.

Качество жизни – основополагающее понятие глубинной экологии. Что такое качество жизни? Какого рода переживания дают жизни наивысшее качество? Как соотносится качество нашей жизни с качеством жизни других существ? Эти и подобные им вопросы постоянно находятся в фокусе глубинной экологии.

Качество жизни нельзя определить раз и навсегда. Это не заранее утвержденная норма, при помощи которой измеряют развитие. Понятие «качество жизни» требует, чтобы наше мышление и эволюция ориентировались на качественное улучшение жизни на Земле.

Мы полагаем, что качество жизни и радость жизни взаимосвязаны. Лучшее качество жизни может привести к большей радости жизни и благополучию. И наоборот.

Увеличение радости и благополучия – главные цели глубинной экологии.

Мы считаем, что важно уважать внутренний голос, который говорит: «Я хочу...» или «Я не хочу...». Поэтому глубинная экология говорит о значении «искры [святого недовольства]». Без такой искры человеческая жизнь становится бедной и мёртвой. Устойчивая культура предполагает наличие благополучия и искры недовольства.

Мы не верим в существование вечной и непоколебимой истины. Иными словами, глубинная экология – не догматическое, не религиозное, и не метафизическое понятие.

Поэтому нашу точку зрения нельзя обосновать священным писанием или обращением к «Богу». Она динамически обращена к миру, и всегда основывается на опыте.

Истина – это то, чего мы постоянно ищем. Истина – это поиск правды; непрерывный процесс, во время которого мы руководствуемся ценностями и этикой. Истина, которую мы ищем, – это экологическое понятие, находящееся в сложной связи с природой; которая в свою очередь находится в постоянном развитии.

Наш поиск истины сопровождается расширением знаний и формируется всем ходом эволюции, поэтому истина сегодня всегда будет чем-то иным, чем истина вчера или завтра.

В данный момент качество жизни находится под угрозой. Прежде всего, ему противодействует ненасытная жажда обладания материальными вещами и дорогими удовольствиями. Мы называем эту жажду «ненасытной», потому что она в большой степени является продуктом индустриального развития, и потому что она уводит от простых, жизненно важных и наиболее щадящих окружающую среду желаний и потребностей.

Многое из того, чем мы себя окружаем, лишь иллюзия благополучия. Рост техники, который якобы должен улучшить и облегчить нашу жизнь, все чаще наносит вред природе и людям. Растёт количество депрессивных состояний, людей-инвалидов, больных людей. Отравление животных, людей и природы растёт вместе с производством и количеством мусора. Растет вред от войн по мере совершенствования оружия.

Всё сложнее увидеть связь между причиной и следствиями. За каждым несчастьем стоит ворох причин. И неудовлетворенность порождает новые иллюзии о благополучии, которые только продлевают несчастья.

Боль и экзистенциальные устремления становятся предпосылками для новых иллюзий улучшения жизни за счет роста материальной культуры. Часто по этой причине именно могущественные экономические интересы поддерживают у нас ощущение

неудовлетворенности.

Поэтому борьба за менталитет будущего – это борьба за власть. Мы находимся в центре идеологической борьбы ценностей, которая охватывает все стороны жизни человека. Следует признать, что существуют могущественные идеологи, зарабатывающие на приобщении нас к господствующей идеологии потребления. Эта идеология влечет за собой не только экономическую и физическую бедность, но может быть даже в большей степени экзистенциальную бедность.

Общая скудость ума и жажда выгоды жестко связаны с ухудшением качества жизни людей. В самом худшем случае нас ожидает полный коллапс и истребление жизни на Земле.

Всё чаще люди теряют представление о том, что значит быть человеком. Вещи, стресс и идеологии отдаляют нас от понимания самих себя и нашей человечности. Мы теряем веру в себя и отгораживаемся от ближнего какой-то искусственной формой жизни, где человеческое начало проигрывает. Мы теряем способность воспринимать человечность других людей.

Поэтому «смысл жизни» – важнейшее понятие. Оно может быть как притягательным, так и просветляющим.

Притягательным, потому что может заставить нас некритично поверить в то, что он где-то вне нас и что его можно купить или получить. Что смысл жизни не связан с нашей личностью.

Просветляющим, потому что заставляет задуматься над тем, что действительно такое «наша жизнь» и «наша человечность».

Мы считаем также, что полезно поговорить о человеческом достоинстве. Об обществе, достойном человека, о достойной жизни и т.д. Война, например, не достойна человека.

Война – это временное состояние, иллюзия того, что можно считать достойным. Но война оказывается средством, которое редко приводит к цели. Слишком большие ресурсы используются на развитие наших способностей к уничтожению. В результате наши способности к миротворчеству падают. Ставки в войне носят кратковременный характер и быстро дают видимые результаты; работа же по установлению мира требует длительного времени и даёт поздние результаты. Глубинная экология настроена на длительную перспективу.

В эту перспективу входит развитие способности помогать ближним улучшать качество жизни, которое – в итоге – определит лучшее будущее всего человечества. Многие чувствуют это, но всё же делают очень мало для развития этой способности. Для общества война становится чем-то выгодным, поскольку производство оружия увеличивает торговлю и ВВП. Сотрудничество, напротив, выливается совсем в другие продукты и ценности – в человечность, которую надо мерить совсем другими критериями.

При свободной капиталистической конкурентной экономике и глобальном росте населения конфликтный потенциал в мире будет расти. Поэтому будущее необходимо строго регулировать.

Нам необходимо позаботиться о мире. Заботиться о мире означает бороться за чистый воздух и чистую воду, за прекращение распространения СПИДа. Заботиться о мире означает делать все необходимое, чтобы остановить глобальное потепление.

Даже наиболее благополучные из нас понимают, что необходимы радикальные перемены в образе жизни человека. И что эти перемены рано или поздно должны коснуться всех. Это укрепляет надежду.

Мы считаем необходимым дальнейшее развитие экологического международного законодательства.

Законы должны иметь такой же международный характер, как и загрязнение, денежный поток, коррупция, болезни и перемещение товаров. Они должны соблюдаться беспрекословно и иметь одну и ту же силу действия во всех странах и среди всех национальных групп.

Американец не может использовать нефти в сто раз больше, чем азиат. Глубинная экология против этого. Все люди должны подчиняться одним и тем же ограничениям и иметь одни и те же возможности.

Не имеет значение, где вы родились и в какой стране проживаете. Главное: соблюдаете ли вы правила, обращаетесь ли друг с другом по-братски, чувствуете ли реальную ответственность за жизнь на Земле.

В такой перспективе, например, этнический норвежец играет второстепенную роль.

Мы полагаем, что хозяйственную жизнь, экономику, легко можно подчинить таким правилам. Разделив понятие «хозяйственная жизнь» на две части, мы получим «хозяйство, питание» (норв.) и «жизнь». Нет лучшей основы для будущего. Будущее должно нас питать, наполнять в самом широком смысле этого слова, оно должно поддерживать жизнь в самом широком её понимании.

Из-за исключительного богатства Норвегии на нас лежит особая экологическая ответственность. Мы уже «высунули голову над водой» и хотим использовать наш разум способом, которого еще не видела история. Желание измениться растет день ото дня. Изменение курса истории уже началось. Почему бы нам не использовать наше благополучие для развития нашего сознания?

Глубинная экология указывает на то, что изменение мышления – это непрерывный процесс. Мы знаем, что должны идти в этом направлении. До сих пор мы откладывали изменение курса, потому что боялись. Но сейчас мы понимаем, что у нас нет другого выбора. Если мы сами не возьмём на себя управление будущим, изменения будут нам навязаны либо в виде принудительного политического режима, либо катастрофы. И того и другого мы должны

избежать во чтобы то ни стало.

Мы верим в наши способности сохранить будущее. Мы также полагаем, что большинство понимает, какие нас ожидают кардинальные изменения.

Мы способны измениться. Это реально. Но это значит, что должен измениться язык и понятия, которые он отражает. Все исторические эпохи пережили периоды, когда слова и их значение изменялись. Сейчас мы должны найти новые слова и понятия для будущего.

Здесь большая ответственность лежит на средствах массовой информации и политиках. Все, кто используют язык, должны помочь прояснить новые ценности и нормы. Мы должны повзрослеть и стать умнее – по крайней мере, почувствовать, что каждый из нас, каждый день, создаёт будущее.

Это и будет менталитет будущего.

Несс Арне. Простая по средствам, богатая по результатам. Интервью с Арне Нессом

1995, Опубликовано: Stephan Bodian,. Simple in means, rich in ends: an interview with Arne Naess. - Deep ecology for the 21st century. Ed. G. Sessions. Boston - London: Shambhala, 1995. P. 26-36. Сокращ. перевод А. Елагина.

Арне Несс - известный норвежский экофилософ и природоохранник, основатель движения глубинной экологии.

Стефан Бодиан: Арне, как Вы пришли к глубинной экологии?

Арне Нейс: Когда мне было пять или шесть лет, у меня была возможность пожить на берегу фьорда в Норвегии, и меня просто заинтриговало фантастическое разнообразие форм жизни, особенно маленьких рыбок, рачков и креветок, очень дружелюбно собравшихся вокруг меня. Я жил среди этих существ целое лето. Когда мне было девять или десять, я полюбил горы, где у моей мамы был домик. Поскольку у меня не было отца, горы как бы стали мне отцом, как огромное могучее существо, совершенное и невероятно спокойное. И в последующие годы давление школы, общества, мира людей научило меня быть счастливым, попадая туда, где ничто не давит на тебя, ничто не заставляет вести себя так или иначе. Скажем, облака говорят с нами, но не заставляют нас ни во что верить. Даже искусство иногда чего-то от нас хочет, о чем-то нам сообщает. Но природа ошеломительно богата и хороша, и ничего нам не навязывает. Мы совершенно свободны, наше воображение свободно. Конечно, если мы будем беспечны, нас может смести лавиной, или мы можем утонуть, но в природе всегда существуют предупреждения. У меня никогда не было чувства, что над природой нужно властвовать или с ней надо бороться - это что-то, с чем мы сосуществуем.

Современная астрономия, которой я занимался до 1930-х годов, говорит, что вселенная расширяется, и я чувствую, что я расширяюсь вместе с ней; я отождествляю себя со вселенной - чем больше вселенная, тем больше я. Некоторые люди чувствуют угрозу, когда понимают, что космос так непомерно огромен, а мы так ничтожны. Но в некотором смысле мы можем быть большими, как космос. Мы сами, как люди, можем отождествлять себя со

всем сущим.

Эти чувства и привели меня в экологию в то время, когда начало развиваться международное движение. Я не занимался бы этим ради развлечения. Думаю, общественные движения в действительности скучны. Я предпочел бы жить в природе, но мне кажется, что все мы должны попытаться сохранить хотя бы немного из того, что осталось от планеты - это последнее столетие, в котором у нас будет шанс. Поэтому я сегодня в Лос-Анджелесе, а не в горах или в пустыне.

С.Б.: То есть, с самого начала, Ваши философские интересы так или иначе касались природы.

Нейс: Люди находили мои интересы довольно странными, так что мне пришлось как-то обосновывать и рационализировать их. Это побудило меня поставить перед собой более глубокие вопросы о смысле жизни. Таким образом, философия очень рано оказалась в центре моего внимания. Философ, в отличие от профессора философии - тот, чье философствование выражается в его или ее жизни. Последние десять лет я пытался быть и тем, и другим.

С.Б.: Вы создали понятие глубинной экологии. Что именно Вы понимаете под глубинной экологией, и чем она отличается от поверхностной экологии?

Нейс: Сущность глубинной экологии - в сравнении с научной экологией и с тем, что я называю поверхностным экологическим движением - состоит в том, чтобы задавать глубокие вопросы. Слово "глубокие" подчеркивает, что мы спрашиваем, почему и как, в то время как другие - нет. Например, экология как наука не задается вопросом, какой тип общества больше всего подходит для сохранения данной экосистемы - этот вопрос считается прерогативой аксиологии, политики, этики. Пока экологи придерживаются своей узкопрофессиональной сферы, они не ставят таких вопросов. Сегодня нам необходимо значительное развитие в экологической мысли того, что я называю экософией. Корень *sophia* в греческом языке означает "мудрость", и связан с этикой, нормами, правилами и практикой. Таким образом, экософия, или глубинная экология, содержит поворот от науки к мудрости.

К примеру, необходимо задавать такие вопросы: правильно, что экономический рост и высокий уровень потребления так важны? Традиционным ответом было бы указание экономических последствий отсутствия экономического роста. Но глубинная экология спрашивает, удовлетворяет ли современное общество базовые человеческие потребности, такие как потребности в любви, безопасности, близости к природе; но в этом случае мы ставим под вопрос основные принципы нашего общества. Мы спрашиваем, какое общество, какая система образования, какая религиозная конфессия будут благоприятны для всей жизни на нашей планете в целом, и затем ставим следующий вопрос: что нам нужно предпринять, чтобы сделать необходимые изменения. Мы не связаны научным подходом; наша обязанность - сформулировать целостную картину.

Разумеется, бывают разные целостные картины. Например, буддизм предоставляет вполне подходящую основу или контекст для глубинной экологии, некоторые христианские группы проводят серии акций в ее поддержку, а я сам разработал свою собственную философию, которую назвал экософией. Однако, в целом люди не задают достаточно глубоких вопросов для того, чтобы прояснить целостное видение. А если бы задавали, то большинство согласилось бы с необходимостью спасти планету от разрушения, которое сейчас продолжается. Различные варианты экософии станут стимулом для любых акций и движений, цель которых - спасти планету от доминирования и эксплуатации ее человеком.

С.Б.: Такое впечатление, что если мы задаем достаточно глубокие вопросы, то эти вопросы требуют от нас радикального сдвига во взгляде на мир, то что некоторые люди называют сдвигом парадигмы.

Нейс: Да. Я думаю, это сдвиг от увлечения средствами, инструментами, орудиями, всеми теми вещами, которые, как нам кажется, доставят нам удовольствие или сделают нас счастливыми и совершенными. Переворот начинается, когда мы серьезно спрашиваем себя: "В каких ситуациях я испытываю наибольшее наслаждение от всего своего бытия?" и обнаруживаем, что не нуждаемся практически ни в чем из того, что считали необходимым для богатой и полнокровной жизни. И если мы обратимся к жизни, простой по средствам, но богатой по плодам, нам не будут казаться опасными планы спасения планеты, выработанные экологическим движением. Например, мы увидим, что вместо энергетического кризиса налицо кризис потребления - у нас более чем достаточно энергии. Нет необходимости продолжать увеличивать потребление энергии, так же как и любого другого материального ресурса. В таких странах, как США, кризис заключается скорее всего в кризисе способа жизни, традиции бездумности и расточительства, нашей неспособности понять, что в нашей жизни по-настоящему ценно, а что - нет. Через 50 лет нам либо потребуется диктатура для спасения того, что осталось от первоначального богатства форм жизни, либо произойдет изменение системы ценностей, сдвиг нашей общей картины мира, и тогда никакой диктатуры не понадобится. Совершенно естественным образом прекратится доминирование, эксплуатация и разрушение нашей планеты. "Мягкий" путь, включающий гармоничное сосуществование с природой, или "жесткий" путь, предлагающий диктат и принуждение - вот из чего нам предстоит выбирать.

С.Б.: Каковы, по Вашему мнению, фундаментальные характеристики или признаки глубинной экологии, и как они отличаются от характеристик поверхностной экологии?

Нейс: Одна из основных норм глубинной экологии гласит, что любая форма жизни в принципе имеет право на жизнь и процветание. Конечно, мир устроен так, что нам приходится убивать для того, чтобы есть, но базовая интуиция глубинной экологии такова, что мы не имеем права уничтожать никакого живого существа без серьезной необходимости. Другая норма говорит, что зрелый человек испытывает радость, когда другое живое существо испытывает радость, и грустит, когда другое живое существо грустит. Мы печалимся не только тогда, когда печалится наш брат, наша собака или кошка, но мы будем горевать, когда уничтожается любая жизнь, в том числе пейзажи. Наша цивилизация накопила множество средств разрушения, но в наших чувствах так мало зрелости. Большинство людей до сих пор интересуется лишь очень ограниченный набор

ощущений.

С точки зрения глубинной экологии, биосфера Земли в самой своей сущности демократична. Поверхностная экология продолжает говорить только о ресурсах для человека, тогда как в глубинной экологии говорится о ресурсах для всех видов. Поверхностная экология озабочена перенаселением в развивающихся странах, но не в индустриальных - в тех странах, которые способны натворить в сто раз больше вреда, чем государство вроде Бангладеш. Цель, которую ставит глубинная экология - не только стабилизировать количество населения Земли, но и уменьшить его до устойчивого целесообразного минимума, используя гуманные средства, не требующие революции или диктатуры. Я думаю, что для сохранения того богатства культур, что было на нашей планете сто лет назад, нам нужно не более миллиарда людей. Мы нуждаемся в охране человеческих культур в той же мере, что и видов животных. Нам необходимо многообразие как человеческой, так и нечеловеческой жизни!

С.Б.: То есть многообразие - это большая ценность на уровне человека, точно так же как и на уровне растений и животных.

Нейс: Да. Лично я считаю, что для максимальной самореализации - я не имею в виду самость как эго, но в более широком смысле - нам нужно максимальное разнообразие и максимальный симбиоз. Так что многообразие - это фундаментальная норма и всеобщее благо. Мы, сторонники движения глубинной экологии, полагаем природное благо в разнообразии, до тех пор, пока оно не включает незрелых экспансивных форм, таких как культура нацизма, разрушающих остальное. Характерной чертой глубинной экологии является многоплановое видение - мы чувствуем себя ответственными за будущие поколения, и не только за первое, но и за второе, третье, четвертое. Наша перспектива во времени и пространстве очень широка. Напротив, поверхностно-экологическое движение стремится поправить только некоторые из худших последствий нашего образа жизни и общественного устройства - безотносительно к базовым проблемам.

С.Б.: Что вы имеете в виду, говоря, что максимальная самореализация и максимальное многообразие видов тесно взаимосвязаны?

Нейс: Самореализация - это реализация жизненных возможностей. Организмы, различающиеся по трем параметрам, дадут нам меньше многообразия, чем организмы, различающиеся по ста параметрам. Таким образом, самореализация, которой мы достигаем, отождествляя себя со вселенной, повышается, когда увеличивается количество способов, которыми индивиды, общества и даже виды и формы жизни реализуют свои возможности. Чем больше многообразие, тем сильнее самореализация. Это кажущееся раздвоение между индивидуальным и всеобщим интегрируется в том, что я называю Самостью, и что китайцы называют ДАО. Большинство приверженцев глубинной экологии однажды почувствовали - обычно (но не всегда) где-нибудь на природе - что они связаны с чем-то большим, чем их эго, чем их семья, чем их особые индивидуальные качества - это чувство часто называют океанским, потому что многие испытали его в открытом океане. Без такого самоотождествления невозможно так просто присоединиться к глубинной экологии.

Многие люди пережили это чувство, наблюдая борьбу со смертью - к примеру, когда видели, как мелкие существа, вроде мух или комаров, борются за свою жизнь. Видя страдания животных, люди могут отождествить себя с такой формой жизни, с которой никогда бы не отождествили себя в обычных условиях. Такие ситуации дают нам возможность развить в себе более зрелое отношение к жизни. А поскольку эти чувства, это глубокое обращение можно считать религиозным, то глубинная экология содержит религиозный компонент. Те, кто сделал больше всего для осознания современными обществами пагубности нашего отношения к природе, имели такие религиозные чувства. Рэчел Карсон, например, говорит, что мы не могли бы сделать того, что сделали, если бы не имели религиозных или этических оснований вести себя именно так по отношению к природе. Ее аргументация не считается логически доказанной или "обоснованной" в традиционном понимании, когда говорится, что если мы будем продолжать отравлять природу, то будем менее здоровыми, или уменьшатся наши ресурсы, и т. п. Она утверждает, что мы не можем позволить себе вести себя подобным образом. Кто-то может сказать, что природа - не наша собственность, а Божья; кто-то скажет это другими словами. Можно сказать, что глубинная экология содержит религиозный компонент как первооснову, которую должен культивировать в себе каждый из нас, если он или она хочет жить, ориентируясь на ценности, а не просто функционировать подобно компьютеру. Поверхностная экология, приведенная к своему логическому пределу, напоминает компьютерный анализ затрат и прибылей, в котором предусматривается выгода только для человека.

С.Б.: Вы говорили о долговременной перспективе. С другой стороны, конечно же, ситуация уже сейчас является критической - биологические виды очень быстро подходят к черте вымирания, разрушаются целые экосистемы. Как вы находите баланс между необходимостью долговременной перспективы и настоятельной потребностью в немедленном действии?

Нейс: Эти две потребности очень естественно совмещаются, так как долгая перспектива во времени и пространстве мотивирует нас к глубоко продуманным действиям сегодня. То есть, когда человек, сообразуясь с целым миром, опираясь на религиозно-философские основания, узнает, к примеру, что влажных тропических лесов в далекой Суматре уже практически не осталось, а в Шри-Ланке их всего шесть процентов от того, что было вначале, то у него сразу же возникает понимание необходимости немедленных действий: "Это не должно продолжаться, это нужно изменить". Поэтому долговременная перспектива - абсолютно необходимая, например, в вопросе сокращения народонаселения - необходима как в связи с теми или иными фактами, так и по причине мотивации, производной от универсальных норм, таких как самореализация, идентификация со всей вселенной и других, по сути религиозных принципов, существующих тысячелетия или даже целую вечность, и уж никак не пять или десять лет.

С.Б.: Таким образом, глубинная экология - это фундаментальный взгляд на мир, побуждающий в то же самое время к немедленному действию. Помимо противопоставления глубинной и поверхностной экологии, что бы вы могли предложить для того, чтобы эти направления могли сотрудничать? Может ли глубинная экология помогать другим экологическим движениям, которые, возможно, антропоцентричны и не имеют фундаментального взгляда на мир, но вместе с тем многочисленны и эффективны?

Нейс: Я думаю, что глубинная экология может сотрудничать с самыми разными движениями, в том числе и с теми, которые мы называем узкими или мелкими экологическими организациями. Например, в уставе Сьерра-Клуба не может быть глубинноэкологических принципов, и его членами обязательно будут люди, настроенные очень антропоцентрично и думающие только о максимальной пользе для человека в ближайшие 10-20 лет. Нам нужно работать с движениями, приверженцы которых ничего не знают о глубинной экологии и, возможно, никогда не сталкивались с дикой природой и не имели личных отношений с животными, за исключением кошек и собак... И, разумеется, мы не можем не сотрудничать с движениями, чьи ценности нам близки, такими как антиядерное движение или некоторые христианские группы за достоинство жизни - одновременно стараясь дополнить и расширить их взгляды в новом направлении.

Однако у нас должны быть и такие программы, которые не могут быть значимыми для тех, кто не поддерживает глубинную экологию - к примеру, сокращение народонаселения Земли. Нам необходимо быть гибкими, но никогда не забывать о своих основах, потому что подобно буддизму и некоторым другим философским системам Запада и Востока, глубинная экология содержит фундаментальные принципы отношения к миру и человеку.

С.Б.: Многие люди, особенно в нашей стране, верят в то, что, поскольку мы довели до совершенства компьютерные технологии и можем сохранять и использовать всю наличную информацию, то значит, мы способны принимать компетентные решения. Вы же, напротив, говорите о необходимости признать, что мы чего-то не знаем, признать свое невежество перед лицом сложности природы, и в то же время быть готовыми, доверившись своей интуиции, встать и сказать: "Я знаю в сердце своем, что мы должны сделать так-то и так-то".

Нейс: Думаю, что сто пятьдесят лет назад, принимая решения, правительства в Америке и в Европе располагали большей частью информации в сравнении с тем, что было необходимо, чем сейчас. Сегодня мы используем тысячи новых химических веществ, плохо представляя себе долговременное действие их соединений. Мы вмешиваемся в природу в миллионы раз глубже, чем сто лет назад, и наше невежество возрастает пропорционально к необходимому нам количеству информации.

С.Б.: Другими словами, перед нами гораздо больше вопросов, чем ответов.

Нейс: Безусловно. Один показательный момент: если взять количество ежегодно публикуемых научных статей с точными, авторитарными выводами, и разделить его на количество вопросов, связанных с последствиями вмешательства человека в окружающую среду, которые задают ученым ответственные люди, то получим результат, приближающийся к нулю. То есть, число вопросов очень быстро возрастает, в то время как число ответов увеличивается крайне медленно. Видимо, лет через сто у нас закончится бумага, чтобы печатать миллиарды статей, предлагающих ответы на ежегодно возникающие вопросы.

С.Б.: Итак, Вы не считаете, что если мы усовершенствуем науку и технику, то наши ответы каким-то образом сойдутся с количеством вопросов, которые мы задаем?

Нейс: Напротив, техника сейчас беспомощнее, чем когда бы то ни было, поскольку производимая нами техника не удовлетворяет базовых потребностей человека, таких как осмысленный труд в осмысленной окружающей среде. Технический прогресс - это видимость прогресса, ведь само понятие технический прогресс - это понятие культурное, а не техническое. Наша культура - единственная в истории человечества, которая полагает свои основания в технологии, а не наоборот. В традиционной китайской культуре бюрократия запрещала использование изобретения, которое не гармонировало с общими культурными целями государства. Очень много технических открытий не использовались народом просто потому, что не были разрешены. Сейчас же наш девиз - "прогресс не остановишь", мы не можем вмешиваться в технологическое развитие, и потому мы позволяем технике диктовать нам культурные формы.

С.Б.: В связи с этим существует мнение, что опасная природа веществ, используемых для производства ядерной энергии, еще будет иметь политические последствия, которые невозможно предвидеть.

Нейс: Да. Например, безопасность - это главная проблема. И, что гораздо важнее, такая технология предполагает пугающе централизованное общество, тогда как в более экологически благоприятных обществах производство и потребление энергии должно быть децентрализовано и распределено по небольшим группам и общинам, которые сами контролировали бы свои ресурсы. В настоящее время централизация возрастает, и соответственно уменьшается личная ответственность и свобода действия индивидов и местных общин. Чем более централизованы наши энергетические ресурсы, тем сильнее мы зависим от центральных организаций, находящихся за сотни миль от нас.

У нас нет оснований верить в то, что еще одной войны не будет. Напротив, статистика предоставляет много аргументов в пользу того, что в будущем нам еще предстоят войны. В годы Второй мировой войны люди были очень самостоятельны: они могли выращивать свиней, растапливать печь дровами - а случись сейчас война, многие народы будут сразу же побеждены, потому что все ресурсы централизованы. Мы не умеем добывать себе пищу, нам нечем топить. В 2000 году мы будем настолько зависимы, что если какой-нибудь агрессор захватит наши энергетические ресурсы и политические институты, 99-ти процентам населения придется сдаться, тогда как в последней войне мы смогли сохранить свою культуру. Глубинная экология занимается этими масштабными проблемами, особенно вопросом войны и мира, потому что из всех вызванных человеком экологических катастроф ядерная война была бы самой разрушительной.

С.Б.: Это возвращает нас к дилемме "информация или интуиция". По вашему мнению, нам не стоит надеяться получить достаточное количество информации, но придется как-то действовать исходя из того, что нам уже известно.

Нейс: Безусловно. Сторонникам глубинной экологии это легче, чем другим, потому что у нас есть фундаментальные ценности, фундаментальная картина того, что в жизни ценно и что нужно сохранять; отсюда становится понятно, почему в богатых странах мы сопротивляемся дальнейшему развитию ради возрастания господства человека и повышения уровня жизни. Материальный уровень жизни нужно снизить, и тогда качество жизни, в смысле

глубочайшего удовлетворения в сердце, в душе сохранится или возрастет. Это понимание интуитивно, как и все самое важное в жизни - в том смысле, что это невозможно доказать. Как говорил Аристотель, попытка доказать все на свете говорит о недостаточной образованности, так как нужна отправная точка. Невозможно доказать методологию науки, невозможно доказать логику, потому что логика закладывает фундамент знания.

Вся наука является фрагментарной и неполной по отношению к базовым принципам и нормам, поэтому утверждение, что наука может решить наши проблемы, очень поверхностно. Без основных принципов нет науки. Конечно, наука нам нужна - в действительности ее нам нужно в тысячу раз больше, чем мы сейчас имеем - если мы должны дать научные ответы на вопросы политиков о последствиях наших действий. Сегодня же в большинстве случаев нам приходится отвечать, что мы не знаем, хотя и можем сделать обоснованные предположения. А поскольку политики имеют право увеличивать экономический рост и потребление, они отвечают нам: "Если вы не можете четко сказать, каковы будут негативные последствия этого проекта, мы продолжим его осуществлять". Например, они могут дать ученым много денег на исследование влияния нефтяных пятен на планктон. А через год, возможно, ученым придется сказать, что они еще точно не знают, но только начинают понимать. Но здравый смысл и интуиция подсказывают нам, что если мы продолжим лить нефть в океан, то вызовем широкомасштабное уничтожение различных форм жизни.

С.Б.: В наши дни людей учат воздерживаться от суждения, пока не собраны все факты. Но когда одни специалисты говорят, что ядерные реакторы опасны, а другие - что безопасны, то люди оказываются в растерянности.

Нейс: Я говорю людям, что если они прояснят свои фундаментальные приоритеты насчет того, что необходимо для жизни, простой по средствам и богатой по результатам, то обязательно придут к выводу, что совсем не уменьшение энергопотребления делает их несчастными. Тогда они будут сопротивляться ядерной энергии, не читая толстых книг и не зная миллиардов фактов, приводимых в газетах и журналах. А потом им надо найти других людей, чувствующих так же, и создать группы друзей, доверяющих друг другу и поддерживающих друг друга в ведении такой жизни, которую большинство считает смешной, наивной, глупой и нецелесообразно примитивной. Но чтобы все это осуществилось, человек должен уже достаточно доверять себе, чтобы последовать своей интуиции - способности, так мало развитой в массе народа. Многие, следуя указателям и рекламе, становятся философскими или моральными буквоедами.

С.Б.: Какие приоритеты для действия в глубинной экологии Вы видите на ближайшие 25 лет?

Нейс: У каждого из нас - широкое поле разнообразных возможностей действовать. Одной из наиболее важных задач на ближайшие 5-10 лет будет переструктурирование имеющегося у нас знания - имея в виду уничтожение влажных тропических лесов или изменение климата, или другие глобальные факторы, которые сегодня вышли из-под контроля. Необходима коммуникация, и тут каждый из нас может что-нибудь сделать. Другой основной проблемой глубинной экологии будет взаимодействие с различными религиозными

конфессиональными группами - христианами, буддистами и т. п. - в которых меньшинство, особенно молодежь, вполне осознает разрушение планеты и верит в то, что это нужно прекратить. Мы должны сотрудничать с такими религиозными движениями, потому что, как я уже говорил, мотивация для активных действий должна проистекать из глубочайших философских и этических источников.

Что касается политических акций, то меня очень вдохновляет идея Ганди о максимизации дружеского общения - то есть даже если люди в данный момент не хотят с вами разговаривать, нужно постараться быть доброжелательным и сохранить способность к личному контакту. Еще один способ завязать контакты - ходить от дома к дому. Я думаю, что индивидуальный подход до сих пор использовался недостаточно, в особенности профсоюзными организациями. Многие акции в Норвегии были безуспешны из-за отсутствия общения между интеллектуалами и средним классом, с одной стороны, и рабочим классом, с другой. Профсоюзные деятели озабочены проблемой безработицы и считают экологию своего рода прихотью высших классов, в то время как в условиях экологического кризиса именно люди с ограниченными экономическими возможностями окажутся под наибольшим ударом. Доверие к экологическому движению и его эффективность останутся низкими, если мы не будем общаться с рабочими людьми. Мы должны научиться говорить с ними на понятном для них языке. То, что мы действуем организованно, не означает, что мы разговариваем только с теми, кто думает так же, как мы.

С.Б.: Председатель профсоюза авиационных техников, активно участвующего в различных акциях, недавно высказал подобное мнение. Он подчеркнул, что если участники антивоенного движения хотят объединяться с рабочими, занятыми в военной промышленности, то им нужно акцентировать внимание на необходимость конверсии военных заводов в мирное производство. Иначе это будет воспринято как угроза их жизненным интересам и никогда не найдет поддержки.

Нейс: Это связано также с тем, чем мы сейчас занимаемся в Норвегии. Поскольку мы пытаемся конкурировать с Японией, Сингапуром и разными другими странами, нам приходится строить большие, централизованные, автоматизированные заводы. Вместо этого нам нужно было бы сократить импорт, а следовательно, и экспорт, конвертировать гигантские предприятия в заводы меньшего масштаба с более интенсивным использованием рабочей силы, производящие те продукты, в которых мы действительно нуждаемся, и продолжить поддерживать нашу культуру, а не пытаться всеми силами быть конкурентоспособными на мировом рынке, тогда у нас значительно уменьшилась бы безработица, а труд стал бы более осмысленным. Если мы придем к рабочим с такой программой, они воспримут ее гораздо легче, чем если мы придем к ним из наших хороших домов людей среднего и высшего класса и будем говорить с ними на нашем языке о своих довольно абстрактных теориях.

С.Б.: Как Вы считаете, насколько важно для человека практиковать глубинную экологию в своей жизни? И хотелось бы знать, как Вы ее практикуете?

Нейс: Я думаю, что, по большому счету, для того, чтобы с радостью, всем сердцем участвовать в движении глубинной экологии, надо относиться к своей жизни очень

серьезно. Люди, успешно поддерживающие низкий материальный уровень своей жизни и культивирующие в себе глубокое, интенсивное переживание жизни, намного более способны последовательно придерживаться позиции глубинной экологии и жить в соответствии с ней. Когда я сижу, глубоко дыша, и просто ощущаю, где я, то я могу спросить себя, где и когда я действительно наслаждаюсь жизнью, и какой минимум средств мне необходим, чтобы поддерживать эти радостные чувства и ситуации. Например, лично я слишком уж стремлюсь в Гималаи, в то время как Норвегия может доставить мне как альпинисту наибольшее удовольствие. Если сосредоточиться на том, что дает вам удовлетворение, то вы обнаружите, что достичь его можно гораздо легче и проще, чем нас приучило думать наше общество, где лучшим считается то, что больше, комфортнее и дороже.

С.Б.: Мне очень понравилось, как Вы недавно сказали, что можно провести час или два, просто глядя на маленький клочок земли.

Нейс: Конечно. Посмотрите! (держит в руке маленький цветок). Если уловить его форму, симметрию, колорит, и перенести их на холст, можно выиграть первый приз в любом конкурсе.

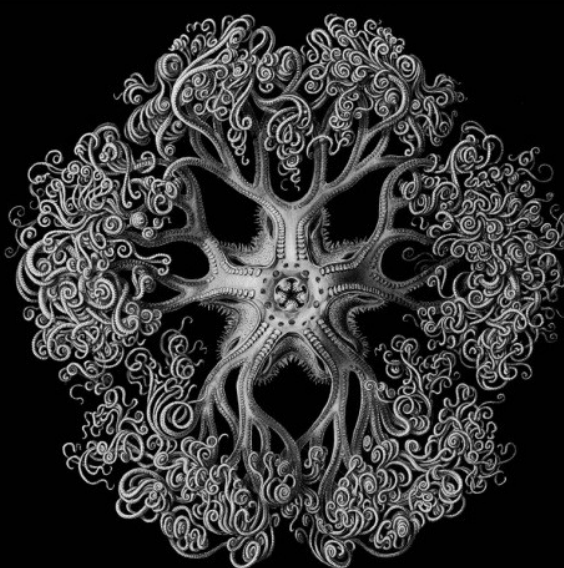
С.Б.: У меня есть родственники в Великобритании, которые получают бесконечное удовольствие, взбираясь на одни и те же самые горы в Уэльсе и на одни и те же холмы рядом с их домом.

Нейс: Это верно. Холм никогда не остается неизменным и не надоедает. Развитие чуткости по отношению к хорошему, которого более чем достаточно в нашей жизни - вот настоящая цель образования. Я не говорю, что нам нужно ограничивать свои цели. Я не призываю к "простой жизни", если не имеется в виду жизнь, простая по средствам и богатая по плодам и ценностям. У меня огромные амбиции. Только лучшее достаточно для меня. Мне нравится богатство, и я чувствую себя богаче всех, сидя в своем доме в деревне, с водой, которую я принес из любимого источника, и дровами, которые сам собрал. Когда вы поднимаетесь на вершину горы в вертолете, пейзаж выглядит как на открытке, и если на вершине есть ресторан, вы можете пожаловаться, что еда плохо приготовлена. Но если вы, преодолевая трудности, взбираетесь на вершину с самого подножия, то испытываете глубочайшее удовлетворение, и даже бутерброды, смешанные с песком и грязью, покажутся фантастически вкусными.

«Биоцентрическая анархия». Зин об одичании

2017, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Biocentric Anarchy

Предисловие

Представляем концепцию биоцентрической анархии, созданную анонимной веганкой-анархисткой и изданную WARZONE DISTRO в виде зина в 2017 году. В Тейст перевели полную авторскую версию.

Зин открывает перспективу преодоления доминантного отношения людей к природе, коммодификации животных, овеществлению и превращению их в массу. Биоанархия стремится искоренить антропоцентризм из различных решений экологических и социальных проблем, в том числе переопределить природу и де-экзотизировать ее.

Авторка разделяет опасение, что люди одомашнили сами себя. Что те же механизмы, те же машины угнетения, которые мы обращаем на других — на животных, на искусственно отделенные от Земли «ресурсы» — обращены и на нас самих. Ответ на вызов антропоцентризма представляется связанным с неким естественным состоянием, к которому можно вернуться, «отменив капитализм». Будь то жизнь в гармонии с природой, племенная жизнь охотников-собирателей или воссоединение с корнями. Однако, спорно, что есть «назад», к которому можно стремиться.

Основу естественного баланса на планете авторка видит в идее родства с другими существами. Она предлагает каждому и каждой спросить себя: «Как я хочу жить свою жизнь?», и пересобрать отношение к нечеловеческим существам, привнеся веганство в анархистские мировоззрения. Это отправная точка для «разрушения жалких условий нашей жизни», освобождения всех живых существ и возможности позволить «одичать тому, что приручили». Для этого необходимо стать внимательными к другим существам, закрыть слепые пятна в отношении к ним и в этом наблюдении ощутить, что мы — как ни были бы жестоки сами к себе и другим — всего лишь один из миллионов видов на планете. Так биоцентрический подход открывает другое, новое состояние естественности.

перевод и редакция: станислава погода и саша мишугина для taste the waste

«Биоцентрическая анархия».

Зин об одичании

Этот зин написала в Лондоне в 2016 году персона, которая считает себя анархисткой и веганкой вот уже 12 лет. Текст не претендует на теоретическое исследование или директивность. Это личные соображения, которыми авторка надеется зажечь искру мысли в читателях и инициировать дискуссию.

Больные общества

Я написала этот текст из любви к жизни на планете и от отчаяния перед ее постоянным вырождением. Под жизнью я подразумеваю совокупность растений, животных, грибов и бактерий, которые населяют биосферу. Я призываю расширить и углубить доминирующие, ориентированные на человека концепции анархии, а также атаковать антропоцентризм как в анархистских кругах, так и в обществе в целом.

Антропоцентризм — это высокомерное убеждение или предположение, что люди находятся в центре вселенной и что наши желания важнее желаний всех других живых существ вместе взятых. Вместе взятых, потому что мы не можем нанести вред одним видам (например, морским рыбам), не нанося при этом вреда и экосистемам, которые они населяют (например, еще и морским птицам, млекопитающим, бактериям, людям и т. д.). Если исходить из антропоцентрического мировоззрения, то делать надо то, что наиболее полезно нам, людям. Под это определение попадают и якобы доброжелательные вмешательства, осуществляемые под видом «охраны природы». Антропоцентрический консервационизм (утопические экологические представления о возможности сохранения природы в девственном состоянии — прим. ttw) также часто встречается среди экологов и некоторых зеленых анархистов. Они не понимают, что доминирующее стремление контролировать / управлять дикой природой (например, через «лесопользование», выбраковку животных во имя «местных» видов, которые считают более достойными жизни) лежит в основе проблемы.

Из антропоцентризма логически происходит спесицизм, то есть видовая дискриминация. Мы доминируем над живыми существами, потому что считаем их жизни менее ценными. Это приводит к тому, что к нечеловеческим видам мы относимся хуже, чем к нашему собственному. И некоторых существ считаем более достойными сострадания (например, тех, кого мы называем «питомцы»), чем других. Эта разница в отношении основана также и на том, какую пользу нам приносит тот или иной вид: сколько стоит, милый ли он, красивый, как его можно использовать. Спесицизм закрепляет за нами роль владельца, того, кто приручает: нам дозволено держать животных в клетках, контролировать их размножение, разрывать родственные связи, пичкать их гормонами и лекарствами, чипировать, калечить, экспериментировать над ними. Более того, мы выводим огромное количество животных только для нашего удовольствия (для еды, моды, спорта, дома).

Спесицизм дает Человеку Разумному право претендовать на мудрость, не свойственную никому больше из животного мира. Впрочем, лучше было бы сказать Человеку Заключенному (то есть Homo Carceralis от лат. carcer — ‘тюрьма, место заключения’), ведь наш вид, пожалуй, единственный запирает себя в тюрьму институционализированного господства. Большинство видов не поддается одомашниванию и каждое живое существо борется с тем, что (или кто) стоит у него на пути. Мы же усложняем формы общества. А в них заключены, как в матрешках, государственные границы, наемное рабство, патриархат. В стерильных условиях метрополий с враждебной архитектурой, в квартирах, похожих на гробы, мы обращаемся к холодному свечению экрана компьютера в попытке почувствовать хоть какую-то связь с другими людьми.

Конечно, есть примеры сопротивления — некоторые люди добиваются независимой и свободной жизни. Но в основном мы соглашаемся строить собственные тюрьмы и выступаем в роли надзирателей друг для друга. Дикая жизнь напоминает нам о другой нашей роли. О той части нашего существа, которая подавлялась тысячелетиями. Те, кто нами управляет, каждый день трудятся над тем, чтобы мы забыли ее. Но мы частенько используем эту силу, чтобы проверить, все ли в порядке с нами и окружением.

Мы все в разной степени заражены одомашниванием. Иногда оно приводит к болезни, которую можно назвать отчуждением. Отчуждение мешает нам на уровне отношений с окружающими людьми, самими собой и всей планетой. Многие из нас страдают от одиночества, испытывают несчастье и неудовлетворенность. Это выражается в несправедливом, нездоровом отношении к чужеземцам, другим полам, знаменитостям и другим видам.

Современная жизнь в городе приучила нас к раздельному мышлению (механизм психологической защиты, проявляющийся в том, что противоречия между какими-то мыслями, идеями, отношениями или формами поведения упорно не осознаются — прим. ttw). Чувство отчуждения становится из-за этого тяжелее. Мы можем слетать в Канаду на выходные и «побыть на природе» — полюбоваться прекрасными пейзажами и сделать кучу фотографий. А потом возвращаемся на работу, едим животных, которых вырастили специально для нашей тарелки, покупаем невероятное количество вещей из пластика. И нам не нужно думать, как мы живем, откуда берется наша еда, куда уходит наш мусор... Хотя мы и критикуем капитализм, нельзя не признать, что многим из нас (особенно жителям городов из развитых стран) он предоставил роскошь не заботиться о жизненно важных вещах: о том, как производится еда, как излечить землю от пластика и как научиться уважать землю, которая нас кормит.

Можно привести другой пример раздельного мышления — наше отношение к домашним питомцам. Мы выбираем какое-то отдельное, конкретное животное, о котором заботимся. Некоторые виды даже превращаем в фетиш (например, кошек). При этом многим кажется странной идея начать заботиться о других животных. Особенно это касается тех видов, которые мы относим к домашнему скоту, — никому даже в голову не приходит, что о них можно переживать.

Потому что все мы — тягловый скот

Будучи анархисткой, я стараюсь работать над освобождением всех и саботировать системы господства. Они включают капитализм, государства, расизм, патриархат и антропоцентризм. Антропоцентризм — как и все системы — нельзя воспринимать отдельно от других способов угнетения. Они усиливают друг друга.

Конкретно говоря о патриархате, капитализме, колониализме и расизме, я приведу несколько примеров того, как антропоцентризм укрепляет и подкрепляет различные системы угнетения, и как их существование поддерживается одними и теми же фундаментальными механизмами.

Женские тела как машины воспроизводства

Как и женщины в условиях патриархата, тела и репродуктивные системы женщин-не-людей считаются подвластными сильнейшим. Например:

- Коров-женщин неоднократно насилуют (насильно заставляют забеременеть искусственным оплодотворением), заставляют рожать каждый год и забирают у них

новорожденных телят, чтобы обеспечить постоянное снабжение молоком для удовлетворения человеческих желаний. Их тела используются как машины массового производства, их вымени набухают из-за инъекций гормонов и интенсивного разведения и прикрепляют к устройствам таким образом, чтобы молоко, обычно предназначенное для их детей, могло быть присвоено человеком.

- Выращенным самкам креветок во всем мире обычно отрезают глаза, чтобы ускорить созревание их яичников (которые в силу стрессовых и неестественных условий не созревают в домашних условиях).
- Беременных самок свиней прикрепляют к клеткам для опороса размером с тело, что делает животных неподвижными. Они остаются там неделями, пока кормят поросят через металлические прутья, которые не позволяют контактировать с детьми.
- Современных кур интенсивно разводят так, чтобы тело могло отложить в среднем 314 яиц в год, в отличие от диких кур, которые откладывают около 20.
- Наконец, сексистский и спесиистский язык («сука», «собака», «корова», «пташка») часто используется для того, чтобы угнетать женщин, унижая при этом как этих животных, так и людей.

Капиталистическое накопление

Антропоцентризм и капитализм исторически приводили к массовому выселению людей с британских земель в результате вольерного способа хозяйства, направленного, в первую очередь, на увеличение площадей пастбищ для животных, выращенных для мясной и шерстяной промышленности 17 и 18 веков. Этот процесс включал в себя опустошение лесов страны и осушение многих ее болот, что привело к массовой потере среды обитания и биоразнообразия для неомашинных животных. Безземельные мигранты направлялись на фабричное рабство в разросшиеся города — единственную жизнеспособную альтернативу, выходящую за рамки бандитизма, — в то время как их копытные собратья должны были оставаться в плену у пастбищных угодий. Это заложило основу для сегодняшнего неустойчивого крупного городского населения, для выживания в полной зависимости от боссов, главным образом в виде тесно контролируемого фабричного труда. Модель фабрики была усовершенствована и экспортирована по всему миру. Этот процесс застройки продолжался на протяжении веков, но в тот период быстро набирал темпы, в результате чего целые полосы страны были опустошены, обезлесены и заселены специально выращенными пасущимися животными. Со временем изменения в методах ведения сельского хозяйства привели к тому, что и эти существа переводились на фабрики, а жизнь в клетках становилась нормой для животных, выращенных людьми для еды.

Антропоцентризм в колониализме

Аналогичным образом антропоцентризм был неотъемлемой частью подъема меркантильного капитализма и колониализма; большие участки оставшихся в Британии лесов срубали, принося в жертву для строительства кораблей имперской экспансии. Судна,

в свою очередь, использовали для присвоения земли и «ресурсов» за границей. История колониализма — это, конечно, также история экологического опустошения. Известным примером послужило то, что европейские первооткрыватели уничтожили американского бизона с намерением ускорить геноцид коренного народа, зависящего от этих существ. Масштабное нападение на анимистические системы верований в Америке, среди прочего, преследовало цель разорвать отношения коренных народов с их землями и разбить их на податливых и зависимых слуг Христа и капитала.

Антропоцентризм остается основополагающим для капиталистического накопления всех так называемых сырьевых товаров, необходимых для поддержания глобальной экономики на плаву (добыча нефти и газа, полезных ископаемых, обезлесение, рыболовство, сельское хозяйство и т.д.), что, в свою очередь, продолжает вытеснять чернокожих и темнокожих фермеров, ведущих натуральное хозяйство в большинстве стран мира.

Звери и варвары

Западный империализм часто оправдывался риторикой дикого Другого. Целая масса зверских высказываний, расистские карикатуры на животных или человеческие зоопарки использовались в попытке унижить и контролировать неевропейские народы или покорить европейское население (евреев и ирландцев), а также диверсантов и бедняков. К сожалению, вместо того, чтобы признать, что эта риторика использовалась и продолжает использоваться угнетателями, чтобы удерживать нас, мы бездумно увековечиваем оппозицию цивилизованного и дикарского в языке, используя ее для критики власти. Примеры включают слова «гуманный» (хороший), «дегуманизирующий» (плохой), «обращаться как с животными» (плохо), «свиньи/бекон» — для обозначения копов, а для оскорбления — «овца/отара», «лемминги», «крупный рогатый скот», во многих культурах также «собака» и «осел».

Противостояние, основанное на внешних различиях и нашей неспособности общаться, было процессом, столь же основополагающим для имперского завоевания, рабства и геноцида, как и для нашей способности угнетать другие виды. Мы едим, проводим опыты и сажаем в тюрьму нечеловеческих животных, потому что они выглядят для нас по-другому и потому что мы не можем их понять. Если мы не признаем, что в основе систем угнетения лежат эти основные механизмы, то останемся на том же обедненном уровне анализа власти и будем обречены повторить эти несправедливости.

Антропоцентризм и капитализм — основа для отношений с планетой и самими собой, похожих на рак, похожих на суицид. Сила превосходства, появляющаяся при определении Другого, экзотизируется (англ. *othering*), играет свою роль в любых угнетающих отношениях. И наши отношения с нечеловеческими формами жизни не исключение.

Биоцентрическая анархия

В отличие от приверженцев антропоцентризма, я хотела бы видеть больше товарищей, живущих и борющихся за этику анархии и освобождения всех жизненных форм, а не только

двуногих, владеющих смартфонами. Чтобы сформулировать концепцию более позитивно, ее можно назвать биоцентрической анархией, или био-анархией. В отличие от многих примитивистов, которые выступают за охоту, ключевой практикой био-анархии может быть веганство; философия отказа от участия в эксплуатации животных, в том числе, не коммодифицируя (не превращая их в товар — прим. ttw) и не потребляя их. Но, хотя веганство и является жизненно важным элементом в борьбе со спесишизмом, самого по себе его недостаточно. Во-первых, любой человек может называть себя веганом, даже фашисты. И хотя взгляд на наши собственные привычки является фундаментальной отправной точкой, он не окажет серьезного влияния на экоцидный джаггернаут (термин для описания проявления слепой непреклонной силы — прим. ttw), если мы не нападём также на корпорации и правительства, несущие за это наибольшую ответственность.

Если углубиться, то биоцентрическая анархия — это способ бросить себе вызов, чтобы расширить понимание себя как животных и воссоединиться с нечеловеческими родственниками. Она побуждает нас, как анархистов, переориентировать идеи и практики, чтобы придать равное значение освобождению нечеловеческой жизни из лап антропоцентризма и капитализма также, как мы освобождаем людей от доминирующих сил.

Это перекликается с недавно появившейся тенденцией среди анархистских проектов. Группы, которые идентифицируют себя как союзы «тотального освобождения», имеют более экологический и антиспесишистский уклон. Они отличаются от основных течений защиты прав животных и бросают вызов другим анархистам, чтобы осознать связь всех систем угнетения, а не ограничивать собственную озабоченность теми вопросами, которые влияют только на наш собственный вид.

Может показаться странным и, возможно, ненужным придумывать еще одно слово для того, что анархия уже должна воплощать в себе. Но помимо анархистов-освободителей животных (англ. animal liberationists), а также некоторых зеленых или анархопримитивистов, в анализе и практике многих анархистов появляются серьезные «слепые пятна», когда речь заходит о других существах на этой планете.

Так как же может выглядеть биоцентрическая анархия?

Первый шаг, на который необходимо пойти, — углубить связь с миром за пределами нашего вида. Нужно время, чтобы по-настоящему понаблюдать за другими формами жизни и сообществами. Они смотрят, слушают и размышляют. Это может быть чтение о других живых существах, об истории и процессах Земли или даже просмотр документальных фильмов о природе — особенно, если вы живете в городе.

Если вы уделите этому время, вы глубже поймете невероятную сложность и красоту Земли и ее экосистем. Если вы действительно начнете изучать мир, то станете ценить огромное разнообразие форм жизни и быта, увидите, что существа по-разному воспринимают мир и у них есть разные характеры и желания. Олмы, например, — это саламандры, населяющие

пещеры в Юго-Восточной Европе. Они почти слепы, так как живут во тьме. Однако они обладают способностью улавливать свет и вибрации, различать химические вещества, звуки в воде, чувствовать магнитные поля. Считается также, что они могут прожить 10 лет без еды, а продолжительность жизни в целом у них более ста лет. Конечно же, в природе разница между индивидуальными особями столь же велика, как и между видами.

Биоцентрическая анархия почитает дикую природу и населяющие ее индивидуумы, позволяя одичать тому, что приручили. Какую бы жестокость люди ни проявляли по отношению друг к другу или к другим животным, меня утешает тот факт, что мы являемся всего лишь одним из миллионов видов на планете. Я вспоминаю, что жизнь диких организмов сложна, увлекательна, свободна, прекрасна, загадочна и очищена от познания и системной жестокости, характерных нашим обществам. Насилие и борьба, конечно, существуют повсюду, во всех живых обществах, но системы господства — нет. Более широкое понимание должно углубить наше уважение и смирение по отношению к связи с планетой, ослабить нашу склонность к уничтожению, контролю и вмешательству в дикую природу, но также и склонность к борьбе с теми, кто вмешивается.

По-настоящему уделив время наблюдению, можно оценить разнообразие жизни и распознать себя в других живых существах. Некоторые модели поведения будут для нас понятны. Понимание необходимо для де-экзотизации (de-othering) нечеловеческой жизни.

Аналогичным образом ключевым элементом биоцентрического мировоззрения является тенденция к демассификации. Это означает, что не следует воспринимать «природу» или отдельные виды как массу. Например, рыб постоянно воспринимают как массу, настолько, что в английском языке единственное слово «fish» используется для обозначения множественного числа. Как и мы, рыбы, конечно, чувствуют боль, имеют желания и формируют отношения. Демассификация означает оценку индивидуумов, их автономии и желаний, как и экосистем, частью которых они являются.

Кроме того, бионархия включает в себя децентрализацию человека и подвергает сомнению все антропоцентрические мировоззрения. Исходя из этих основ, наши действия в защиту дикой природы могут быть подпитаны как уважением и любовью к ее красоте и свободе, так и ненавистью к институтам контроля, изоляции и коммерциализации. Таким образом, это питательная сила, которая дополняет то, что часто может быть похоже на личную коррозию ярости и отчаяния.

Если мы продолжим воевать против природы, то замкнемся в болезненной логике и увеличим наши болезни в геометрической прогрессии. Возьмем простой пример: наши туалеты используют пресную воду для отвода канализации на громадные химические станции, прежде чем закачать ее обратно в пресноводные системы, например, в реки. Этот процесс требует большого количества энергии и воды, а также в огромных масштабах загрязняет экосистемы химическими веществами. Между тем, химические удобрения применяются на сельскохозяйственных культурах по всему миру в ущерб дикой природе, здоровью фермеров и потребителей. Понятие «навоз» мы используем для обозначения компостированных человеческих отходов в качестве удобрения. Иными словами, человеческие отходы могут быть животворными. Они питают микробов и червей, которые

дают нам более здоровую пищу, и это не требует особых ресурсов, позволяя группам людей делать это самостоятельно. Это циклический, оздоровительный процесс, в отличие от токсичной тупиковой зависимости от промышленной утилизации отходов.

Как же нам тогда начать действовать в духе биоцентрической анархии? Лично для меня, думаю, хорошей отправной точкой будет спросить: «Как я хочу жить свою жизнь»? Насколько я могу освободить себя и других от рабства, заточения, валютной ценности, страданий, безразличия и унижения? Насколько я могу помочь в создании мгновений и пространств свободы, любви, красоты и разрушения коммерциализации и контроля? Мы все идем на компромисс в разное время жизни — получаем работу, регистрируемся, платим аренду, покупаем дешевую еду в супермаркете. Иногда эти действия кажутся наиболее жизнеспособным вариантом выживания. Но я думаю, что этот вопрос — также хороший старт для разрушения жалких условий нашей жизни. Давайте признаем, что катастрофа бесчисленное количество раз обрушивалась на планету и до того, как люди опозорили Землю своим присутствием, и учтем, что очень трудно измерить личное влияние в таком сложном обществе. Тогда этот вопрос, вероятно, еще и хороший способ навигации по летящим навстречу метеорам. Это отправная точка и пусть она не оставит ничего незамеченным, заставит задуматься обо всем, начиная от отношения к друзьям, партнерам, детям и пожилым, заканчивая более абстрактными вопросами: что мы считаем едой и как ее получаем, как мы относимся к образованию, другим биологическим видам, мигрантам, нашим начальникам, политикам, технологиям, гендеру и так далее.

Этот вопрос может повлиять на наши действия и изменить их от самых очевидных до более нетривиальных. Поэтому выбор человека жить веганской жизнью не должен основываться на том, существует или нет прямая причинно-следственная связь между оплатой в Tesco (британская транснациональная корпорация — прим. ttw) 5 фунтов за гамбургеры и убоем коров. Скорее, выбор может быть продиктован желанием действовать из чести и уважения к существам и иметь как можно меньше общего с их одомашниванием, рабством и пытками. Среди людей, называющих себя анархистами, распространена поговорка, что веганство не собирается «свергать капитализм». Но капитализм — это культура, совокупность социальных отношений, установок, поведения и связей, поддерживаемых неисчислимым количеством индивидуальных действий и выбора. И в любом случае, когда они в последний раз сделали хоть что-то, что, по их мнению, действительно считается «свержением капитализма»?

Для многих ответ на этот вопрос вряд ли будет удовлетворительным, если они просто изменят личный образ жизни. Если происходит ужасное разрушение того, что любишь, то конфликт с теми, кто создает и защищает нынешний порядок, и риск, который сопутствует этому конфликту, в равной степени необходимы. Вырваться из зон комфорта, освободиться от ограничений пассивности и преодолеть некоторые из наших страхов, чтобы напасть на архитекторов тюремного общества, прожить жизнь свободно, — это жизненно важная часть перестройки самих себя.

На этом я закончу цитатой из «Чёрного семени» (англ. Black Seed, выпуск 1) на тему перестройки и воссоединения:

«Для большинства зеленых/антицивилизационных/примитивистских анархистов перепланировка и воссоединение с землей — это жизненный проект. Он не ограничивается интеллектуальным пониманием или практикой примитивных навыков. Напротив, представляет собой, во-первых, глубокое понимание того, каким образом мы приручены, раздроблены и вытеснены из себя, друг друга и мира. И во-вторых — огромную и ежедневную практику заботы о том, чтобы снова стать единым целым. Возвращение к естественным природным условиям имеет физический компонент, включающий восстановление навыков и разработку методов устойчивого сосуществования, в том числе — как кормить, обеспечивать жильем и исцелять себя с помощью растений, животных и материалов, естественных для нашего биорегиона. Оно также включает в себя демонтаж физических воплощений цивилизации — аппаратуры и инфраструктуры. Восстановление имеет и эмоциональную составляющую, которая предполагает исцеление друг друга от глубоких 10 000-летних ран, обучение тому, как жить вместе в неиерархических и неагрессивных сообществах, а также деконструкцию приручительного мышления в социальном взаимодействии. Этот процесс включает в себя внимание к непосредственному опыту и чувству, а не к посредничеству и отчуждению, переосмысление всех аспектов нашей реальности, связь с дикой яростью для защиты жизни и борьбы за свободное существование, развитие большего доверия к интуиции и более тесной связи с инстинктами, а также восстановление равновесия, которое было практически разрушено после тысячелетнего патриархального контроля и одомашнивания. Восстановление — это процесс, в котором мы становимся нецивилизованными.

За разрушение цивилизации! За воссоединение с жизнью!»